

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

„Инженерный Журналъ“ 1864 и 1865 годовъ.—Опытъ медицинской географіи Кавказа, соч. Торопова.—Значеніе кавалеріи въ новѣйшее время, ея организація и дѣйствія: Соч. подполковника Мт. Перев. Д. Корибуть-Кубитовича.—Die politik der Zukunft vom preussischen Standpunkte. (Полиτικά будущности съ прусской точки армія).

Инженерный Журналъ 1864 года, №№ 5-й и 6-й; 1865 года, №№ 1-й и 2-й.

Въ подлежащихъ нашему обзору четырехъ номерахъ „Инженернаго Журнала“ весьма много статей, которыя представляютъ общій военный интересъ, а равно и такихъ, которые при спеціальности изложенія доступны для нашихъ читателей. Изъ болѣе замѣчательныхъ статей мы остановимся въ нашемъ „Обозрѣніи“.

Въ № 5 „Инженернаго Журнала“ за прошлый годъ, въ официальномъ отдѣлѣ, помѣщены мнѣнія гг. членовъ технического комитета главноинженернаго управленія о напечатанныхъ въ 1863 году въ „Инженерномъ Журналѣ“ статьяхъ подполковника Фролова по сравненію бастионнаго замѣртанія прѣстныхъ фронтовъ съ полигональными.

Мнѣнія эти заслуживаютъ вниманія, особенно потому, что относятся къ предмету, который служилъ темою для многихъ споровъ, не вполне оконченныхъ за границею, и впервые еще затронуть п. Фроловымъ въ нашей военной литературѣ. Какимъ образомъ были вызваны эти мнѣнія, лучше всего видно

изъ слѣдующаго объясненія, помѣщеннаго въ видѣ вступленія къ нимъ:

„По положенію объ изданіи „Инженернаго Журнала“, авторамъ трехъ лучшихъ оригинальныхъ статей, напечатанныхъ въ годовомъ изданіи журнала, ежегодно назначаются денежные преміи, по присужденію технического комитета. На этомъ основаніи, и по окончаніи изданія за 1863 годъ, гг. члены комитета занимались обсужденіемъ напечатанныхъ въ журналъ въ 1863 году статей, подлежащихъ преміямъ; затѣмъ преміи были присуждены, и выдача ихъ утверждена Его Императорскимъ Высочествомъ генераль-инспекторомъ по инженерной части. Предсѣдателю технического комитета, генераль-адъютанту Тотлебену, угодно было предложить, чтобы каждый изъ гг. членовъ комисій, разсматривавшихъ упомянутыя статьи, изложилъ свое мнѣніе о нихъ письменно, вслѣдствіе чего мнѣнія эти были поданы и прочитаны въ засѣданіи комитета. По важности вопроса, котораго касались статьи г. подполковника Фролова, въ научномъ отношеніи, положено было потомъ напечатать въ „Инженерномъ Журналѣ“ мнѣнія объ этихъ статьяхъ, какъ выражающія взглядъ гг. членовъ комитета и на предметъ, затронутый авторомъ.“

На этомъ основаніи въ „Инженерномъ Журналѣ“ и помѣщены мнѣнія слѣдующихъ лицъ: генераль-адъютанта Тотлебена, генераль-лейтенанта Ласковского, генераль-майоровъ Теляковского и Тидебеля, полковниковъ Болдырева, Кюста и Герна.

Не имѣя возможности и полагая излишнимъ приводить извлеченія изъ всѣхъ этихъ мнѣній, мы ограничимся только небольшимъ извлеченіемъ изъ нихъ, чтобы показать, къ какимъ главнымъ результатамъ приводитъ сравненіе бастионной системы крѣпостныхъ верховъ съ полигональными.

Къ приверженцамъ бастионной системы преимущественно принадлежатъ французскіе инженеры, хотя бастионное расположеніе и представляетъ весьма многіе существенные недостатки. Не перечисляя ихъ, замѣтимъ только, что недостатки эти и склонили германскихъ инженеровъ послѣ наполеоновскихъ войнъ первой имперіи принять предложенія Монталамбера и Карно, которыя, устраняя недостатки бастионной системы, послужили началомъ для образованія такъ называемаго полигональнаго расположенія крѣпостныхъ верховъ. Но и эта новѣйшая система не лишена недостатковъ довольно значительныхъ. Тѣмъ

не менѣе г. Фроловъ, сравнивая обѣ системы, отдаетъ ба-
 стіонному начертанію исключительное преимущество передъ
 полигональнымъ, во всѣхъ случаяхъ употребленія ихъ; мнѣніе
 его отчасти болѣе или менѣе поддерживается почти большин-
 ствомъ гг. членовъ комисіи, разсматривавшей его статьи. Но
 нельзя не признать, что исключительное предпочтеніе, отдава-
 емое бастионному расположенію, слишкомъ рѣзко, чтобы не ска-
 зать даже односторонне. Дѣйствительно, недостатки того и
 другою расположенія слишкомъ крупны, чтобы исключительно
 придерживаться какой-либо одной системы. Въ германскихъ
 крѣпостяхъ встрѣчаются открытыя отдѣльныя башни, выдвину-
 тая въ поле; оборонительныя казармы, выходящія изъ-за греб-
 ня бруствера, и фланкирующія постройки, которыя, будучи
 видны съ поля, могутъ быть разбиты заблаговременно съ даль-
 нихъ батарей.

Съ другой стороны, въ новыхъ французскихъ крѣпостяхъ
 нѣтъ достаточнаго числа казематированныхъ построекъ, мѣст-
 ность впереди фронтовъ, а равно и рвы имѣютъ слабую
 оборону, самые фронты бывають подвержены афиладнымъ и
 тыльнымъ выстрѣламъ; кромѣ того есть и многіе другіе недо-
 статки въ бастионномъ расположеніи. Всѣ эти недостатки какъ
 полигональнаго, такъ и бастионнаго начертанія крѣпостныхъ
 верховъ увеличились въ настоящее время, со введеніемъ на-
 рѣзныхъ орудій, которыя, по мнѣнію генераль-адъютанта
 Тотлебена, „даютъ возможность не только разрушать построй-
 ки, видимыя съ поля, прицѣльными выстрѣлами, но во мно-
 гихъ случаяхъ позволяютъ поражать наклонными выстрѣлами
 вдоль рва капониры, даже закрытые гласисомъ, равно какъ и
 оборонительныя казармы, маскированныя брустверомъ главной
 ограды, и казематы въ куртлинахъ, при обнаруженіи только
 кордона въ карповой стѣнѣ съ поля“.

Такимъ образомъ, каждая изъ разсматриваемыхъ двухъ си-
 стемъ расположенія крѣпостныхъ верховъ, полигональная и
 бастионная, имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. При-
 зная же это, нельзя не согласиться съ вполне справедливымъ
 выводомъ, который дѣлаетъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ
 заключеніе своего мнѣнія о статьѣ г. Фролова. Выводъ этотъ
 заключается въ слѣдующемъ:

„Дѣло инженера состоитъ въ томъ, чтобы усвоить себѣ
 главныя основныя мысли различныхъ системъ, выведенныхъ изъ

опыта, и примѣнять ихъ тамъ, гдѣ онѣ могутъ быть употреблены съ наибольшою пользою, стараясь при этомъ отстранить признанные недостатки и принимая во вниманіе все новѣйшія усовершенствованія въ артиллеріи, равно какъ и въ вооруженіи и образъ дѣйствія пѣхоты. Притомъ рѣдко встрѣчаются крѣпости, гдѣ бы мѣстныя обстоятельства не заставили отступить отъ общепринятыхъ начертаній. Если же инженеръ будетъ составлять проекты только на основаніи принятыхъ системъ, то въ этомъ случаѣ именно произойдутъ наибольшіе ошибки и недостатки, въ которые онъ впадаетъ невольнымъ образомъ. По этимъ причинамъ весьма односторонне совершенно отвергать полигональное начертаніе и требовать, чтобы все крѣпости исключительно были построены по бастионной системѣ, точно такъ, какъ было бы нелогично и нерационально совершенно отвергать бастионное начертаніе. При соображеніи стратегической важности укрѣпляемаго пункта, силы гарнизона, всехъ условій мѣстности и денежныхъ средствъ, опытный военный взглядъ инженера и искусство его должны рѣшать систему начертанія и профиль укрѣпленія, представляя себѣ ясно атаку противъ избранной позиціи.“

Въ томъ же № 5 „Инженернаго Журнала“ помѣщена статья г. В. Даля: „Описаніе моста, наведеннаго на рѣкѣ Вислѣ въ 1831 году“. Статья эта была уже напечатана въ 1832 году въ „Русскомъ Инвалидѣ“; но каждый прочитавшій ее теперь въ „Инженерномъ Журналѣ“ отъ души поблагодарить редакцію этого журнала за ея перепечатаніе, такъ какъ статья г. Даля представляетъ образцовое описаніе большой переправы, переданное чрезвычайно картинно, съ полною обстоятельностью, и притомъ переправы весьма поучительной въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, матеріальныхъ и техническихъ, можно достигнуть блистательныхъ результатовъ, умѣя лишь ваяться съ толкомъ за дѣло. Въѣсть съ тѣмъ рассказъ г. Даля невольно наводитъ на справедливую мысль, высказанную и редакціей „Инженернаго Журнала“, что необходимо къ понтонному искусству при-вить нѣсколько *морской техники*. Знакомство съ этой техникой какъ самого г. Даля, такъ и нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ по устройству моста на Вислѣ болѣе всего обезпечивало успѣхъ предпріятія. Въ необходимости этого отчасти убѣждаетъ и статья г. Д. Малкова: „Переправа пруссаковъ на

островъ Альзенъ въ іюні 1864 года⁴. Переправа эта, составляющая чуть-ли не самый блистательный эпизодъ послѣдней датско-германской войны, представляетъ весьма много поучительности для инженеровъ и особенно для пионеровъ. Между прочимъ, дѣлая выводы изъ этой переправы, г. Д. Малковъ приходитъ къ заключенію, что и намъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на обученіе людей греблѣ и управленію гребными судами, потому что не только понтонныя, но и пионерныя роты прусскихъ баталіоновъ, *въ полномъ составѣ*, употребляются для этого назначенія, тогда какъ у насъ только *нѣкоторая* часть людей дѣйствительно ознакомлена съ этимъ дѣломъ.

Но возвратимся къ статьѣ г. Даля, представляющей весьма интересный очеркъ одного изъ эпизодовъ польской войны 1830 и 1831 годовъ.

Когда, въ концѣ іюня 1831 года, главная русская армія, состоявшая подъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича, готовилась перейти на лѣвый берегъ Вислы, чтобы нанести послѣдній ударъ возстанію, предписано было и генералу Ридигеру, дѣйствовавшему до того времени въ Люблинскомъ воеводствѣ, перейти Вислу и занять Краковское воеводство. Въ отрядѣ генерала Ридигера были преимущественно кавалерія, нѣсколько полковъ пѣхоты, но саперныхъ или инженерныхъ командъ вовсе не имѣлось; а между тѣмъ приходилось устраивать переправу черезъ большую рѣку, съ весьма быстрымъ теченіемъ, имѣвшую притомъ болѣе 100 сажень ширины. Средствъ для переправы, казалось, не было никакихъ; но всё они были созданы находчивостію и неутомимою дѣятельностію г. Даля, который состоялъ при отрядѣ въ должности доктора, но, по своей прежней службѣ во флотѣ и по своимъ техническимъ познаніямъ, сдѣлался главнымъ распорядителемъ всѣхъ работъ по устройству моста. Якори, канаты, топоры, гвозди и всё необходимые инструменты были искуплены частнымъ образомъ; рабочіе вызваны изъ полковъ; приступлено къ постройкѣ лодокъ, бревенчатыхъ паромовъ и паромовъ на бочкахъ, взятыхъ изъ близлежащей пивоварни. Предварительныя работы для постройки моста начались въ послѣднихъ числахъ іюня и въ началѣ іюля, а къ 23-му іюля былъ готовъ уже мостъ длиною въ 135 сажень, состоявшій изъ 40 паръ плотовъ. Въ слѣдующіе затѣмъ четыре дня по немъ переправился весь отрядъ на лѣвый берегъ Вислы.

Мы, конечно, не вдаемся здѣсь въ подробности постройки и наведенія этого моста, такъ какъ желающіе ознакомиться съ ними лучше всего сдѣлаютъ, если сами прочтутъ статью г. Дала. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ подвигъ самого г. Дала, вырвавшего мостъ почти изъ рукъ поляковъ, когда имъ удалось уже занять его.

Варшава была уже взята, но оставались еще въ полѣ: корпусъ Ромарино на правомъ берегу Вислы и отряды Ружицкаго на лѣвомъ. Генераль Ридигеръ, ослабленный высылкою части своихъ войскъ къ Варшавѣ, находился въ Краковскомъ воеводствѣ, предоставивъ оборону моста лишь весьма незначительному отряду. Въ это-то время Ружицкій и Ромарино вознамѣрились овладѣть мостомъ, чтобы соединить свои силы для послѣдняго отпора. Къ счастью, нападеніе было произведено не одновременно: сперва явился Ружицкій и принужденъ былъ отступить безъ успѣха, угрожаемый подоспѣвшими войсками Ридигера; но черезъ нѣсколько дней послѣ того, когда отрядъ, оберегавшій мостъ, считалъ себя уже въ полной безопасности, пришелъ съ праваго берега пятитысячный отрядъ Завадскаго, посланный Ромарино для овладѣнія мостомъ. Правый берегъ былъ укрѣпленъ чрезвычайно слабо, и небольшіе построенные здѣсь редуты были заняты Орловскимъ полкомъ, по большей части состоявшимъ изъ рекрутовъ. Защищать ихъ не было никакой возможности, и они были тотчасъ оставлены. Чтобы показать всю смѣлость подвига г. Дала, считаемъ за лучшее привести подлинное его, чрезвычайно картинное, описаніе этой операціи.

„Генераль-маіоръ Слатвинскій—говоритъ г. Даль—командовавшій мостовыми укрѣпленіями, едва успѣлъ вывести гарнизонъ и артиллерію изъ редутовъ, какъ поляки, слѣдовавшіе за нимъ непосредственно, заняли оставленные нами укрѣпленія и вступили на одну оконечность моста, между тѣмъ какъ гарнизонъ нашъ еще переходилъ другую. Все это дѣлалось съ обѣихъ сторонъ безъ выстрѣла (*). Я былъ оставленъ на мосту, съ пятнадцатью человекъ моей отборной команды, для уничтоженія его вслѣдъ за прошедшимъ по немъ нашимъ гар-

(*) Завадскій, польскій генераль, отвѣчалъ нашему парламентеру, на представленіе, что мы имѣемъ предписаніе прекратить, со дня взятія Варшавы, военные дѣйствія: „я такихъ предписаній не имѣю, посланъ Ромарино для занятія моста; отступайте, если не хотите драться“, и колонны его шли впередъ, не останавливаясь.

низомъ: Но польскіе офицеры, числомъ до десяти, поскакавшіе впередъ, окружили меня и въ недоумѣніи закидывали вопросы. Я считалъ себя плѣннымъ; но мнѣ о томъ не объявляли. Вообще въ толпѣ мятежниковъ господствовалъ видимый безпорядокъ: всѣ находились въ какомъ-то недоумѣніи и радовались дешевой побѣдѣ. Пользуясь этимъ смятеніемъ и понимая, что непріятель не могъ еще знать моего назначенія, я сказался медикомъ, котораго больные и раненые остались въ занятъ непріателемъ Казимѣржѣ. Впрочемъ, дѣйствительно, это было и справедливо, а потому я просилъ позволенія, на случай, если непріятель долго простоятъ въ занятыхъ укрѣпленіяхъ, навѣстить своихъ больныхъ. Получивъ на это согласіе, я поклонился, и, отойдя поскорѣе на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ нихъ по мосту, бросился черезъ перилы его на плоты, Забалнанскаго полка волтижеры—за мною, и мы, послѣдовательно, перескакивая съ плота на плотъ, въ мигъ перерубили одиннадцать перилей. Польскіе офицеры подняли крикъ, провожая насъ по мосту, но, скоро увидѣвъ, что онъ съ трескомъ ломается, бросились назадъ; польскій парламентаръ съ трубачемъ—обыкновенная ихъ уловка, чтобы выиграть время—оноздакъ, равно и баталіонъ, бросившійся на мостъ на крикъ: „до брони!“ Мостъ, лишенный значительнаго числа твердыхъ точекъ своихъ, быстрымъ теченіемъ согнуло, сломило и понесло внизъ по рѣкѣ. Въ безсиьной мести, поляки изрубили оставшійся конецъ моста и распустяли его по бревну! Наши хлѣбопеки, равно и разѣзды Картопольскаго драгунскаго и Деритскаго военно-егерскаго полковъ, неуспѣвшіе присоединиться къ нашему гарнизону и перейти мостъ, остались въ плѣну. Но начальство совершенно оправдало мое рѣшительное дѣйствіе, потому что, повторяю, поляки слѣдовали уже по пятамъ и находились на самомъ мосту; а человекъ восемь офицеровъ, окруживъ, распрашивали меня и, не ожидая отвѣта, колко шутили и трунили. Я отвѣчалъ спокойно, выжидая удобной минуты дѣйствовать, и выждалъ. Въ случаѣ крайности, оставалось мнѣ только кинуться въ рѣку и вплавъ достигнуть лѣваго берега. На это я былъ готовъ.“

Результаты рѣшимости г. Дала были весьма значительны: не говори уже о томъ, что мѣра эта спасла отрядъ, находившійся у моста, тринадцать орудій и весь вагенбургъ, бывшій въ редантѣ на лѣвомъ берегу Вислы, она оказала вліяніе и на

скорѣйшее окончаніе кампаніи, потому что легче было загнать въ Галицію отдѣльные отряды Ружицкаго, Камилскаго и Ромарино, когда они были раздѣлены Вислою, чѣмъ когда бы они соединились въ Краковскомъ воеводствѣ, гдѣ ихъ ожидали запасы, магазины, резервы и другія пособія.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ присоединить, что мость, построенный г. Далемъ, хотя и былъ устроенъ на скорую руку и при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, тѣмъ не менѣе, бывъ сданъ въ вѣдѣніе присланныхъ для того инженеровъ, просуществовалъ до поздней осени 1831 года, когда былъ разбитъ и снесенъ льдомъ, прежде нежели успѣли убрать его.

Въ № 6 „Инженернаго Журнала“ за прошлый годъ помѣщена статья г. Леера: „О значеніи укрѣпленій вообще, и въ особенности крѣпостей, укрѣпленныхъ лагерей и оборонительныхъ линій, по отношенію ихъ къ современному состоянію военнаго искусства“. Въ статьѣ этой, служащей продолженіемъ прежнихъ, по этому же предмету, статей г. Леера, изложеныходы Массены въ 1810 году на Пиренейскомъ полуостровѣ и сообщается весьма подробный обзоръ знаменитыхъ торресъ-ведрасскихъ линій, устроенныхъ Веллингтономъ для прикрытія Лисабона и сообщеній своихъ съ моремъ. Сколько намъ кажется, это первое еще на русскомъ языкѣ вполне обстоятельное и подробное описаніе Торресъ-Ведраса, снабженное притомъ и планомъ расположенія самыхъ укрѣпленій. Не имѣя возможности вдаваться въ подробности описанія какъ торресъ-ведрасскихъ укрѣпленій, такъ и самой кампаніи 1810 года, остановимся нѣсколько на выводахъ, дѣлаемыхъ г. Лееромъ изъ своихъ изслѣдованій.

Главная доуцительность мѣры, принятой Веллингтономъ при Торресъ-Ведрасѣ, заключается въ томъ, что мѣры эти служатъ прекраснымъ образцомъ искусной подготовки театра военныхъ дѣйствій, подготовки въ высшей степени своеобразной.

Будучи слабѣе своихъ противниковъ, имѣя на половину въ своей арміи необученныя милиціи, Веллингтонъ поставилъ себя цѣлью уклоняться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, утомлять и изнурять противника, отступая въ глубину страны и уничтожая все средства для существованія непріятеля. Такой планъ дѣйствій вполне соответствовалъ той обстановкѣ, при которой приходилось дѣйствовать Веллингтону. Одно только изъ условий этой обстановки являлось въ неблагопріятномъ видѣ, именно

глубина театра военныхъ дѣйствій была недостаточна для полнаго осуществленія плана. Представлялся вопросъ: какъ бы измѣнить это условіе въ болѣе благоприятную сторону? И вопросъ вполне былъ разрешенъ укрѣпленіями Торресъ-Ведраса, которыя, будучи заблаговременно устроены, привели къ тому, что армія Массены должна была почти шесть мѣсяцевъ провести въ виду ихъ въ совершенномъ бездѣйствіи и наконецъ, утомленная, истощивъ всѣ имѣвшіеся запасы и не будучи въ состояніи пополнять ихъ въ разоренной страдѣ, должна была отступить и сознать свое безсиліе предъ укрѣпленіями.

Таковъ главный результатъ, достигнутый Веллингтономъ, благодаря искусному выбору мѣстности и вполне соответственному усиленію ея укрѣпленіями. Приводя эти результаты, г. Дееръ останавливается также на томъ, какъ приличнѣе назвать совокупность укрѣпленій, возведенныхъ у Торресъ-Ведраса? Большинство называетъ ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ; нѣкоторые же, просто, укрѣпленными линіями. Г. Дееръ весьма основательно отвергаетъ оба названія.

„Какъ-то, такъ и другое названіе—говорить о нѣмъ—сколько намъ кажется, далеко не выражаютъ внутренняго содержанія, идеи, которая вылилась въ формѣ укрѣпленій Торресъ-Ведраса. Но нашему мнѣнію, это крѣпость-лагерь, которая, вмѣстѣ съ Ульмомъ (1800 г.) и Дрезденомъ (1813 г.), является въ видѣ первоначальнаго типа обширныхъ крѣпостей современнаго характера (крѣпостей-лагерей). И дѣйствительно, въ чемъ заключается идея, осуществляемая крѣпостью-лагеремъ? Она должна быть, во-первыхъ, преградой наступленію непріятеля, во-вторыхъ опорнымъ пунктомъ для внѣшнихъ предпріятій и полемъ сраженія для арміи (*), и, въ-третьихъ, безопаснымъ депо жизненныхъ и военныхъ запасовъ.

„Развѣ всѣмъ этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ Торресъ-Ведрасъ, или удовлетворяетъ менѣе Вероны, Кобленца?... Далеконѣтъ. Слѣдовательно, мы вправѣ заключить, что это крѣпость, но, правда, крѣпость въ весьма оригинальной формѣ. Неужели этого внѣшняго формальнаго отличія достаточно, чтобы считать ее за что-то особенное? Мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на классификацію крѣпостныхъ пунктовъ. Воплиъ сознавая необходимость ея, мы допускаемъ ее только на основаніи раз-

(*) Господствующее условіе для внѣшнихъ крѣпостей.

личнаго внутренняго ихъ содержанія, различнаго вліянія ихъ на военныя дѣйствія, а отнюдь не на основаніи вѣдѣній, формальныхъ отличій. Кому неизвѣстно, что одна и та же идея, при осуществленіи ея, при примѣненіи ея къ дѣлу, въ зависимости отъ обстановки, измѣняющейся до безконечности, можетъ вылиться въ безконечно-разнообразныя формы? Хотя бы идея о крѣпости, начиная съ Барда до Торресъ-Ведраса. Весьма немного недостаетъ, чтобы пигмей Бардъ обнаружилъ то же самое пагубное вліяніе на судьбу одной изъ французскихъ армій, которое было обнаружено гигантомъ Торресъ-Ведрасомъ на армію Массены. Для этого достаточно было, чтобы не Наполеонъ, а хоть бы Даниъ или Вертье командовали арміею. Они находили же невозможнымъ пройти мимо Барда.

„Нельзя же, наконецъ, требовать, чтобы, не обращая вниманія на безконечное разнообразіе въ обстановкѣ, идея крѣпости *всегда и вездѣ* выливалась бы въ одну и ту же форму.“

Въ № 1 „Инженернаго Журнала“ за нынѣшній годъ помѣщены двѣ статьи о послѣдней датско-германской войнѣ, а именно: „Очеркъ датско-германской войны 1864 года“, В. В., и „Переправа пруссаковъ на островъ Альзенъ въ іюнь 1864 года“, Д. Малкова; кромѣ того въ приложеніи напечатана: „Атласъ дюниельскихъ укрѣпленій“, сочиненіе Неймана. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми статьями, напечатанными въ „Инженерномъ Журналѣ“ еще въ прошломъ году, журналъ этотъ представляетъ рядъ весьма обстоятельныхъ статей о послѣдней датской войнѣ. При всѣхъ достоинствахъ этихъ статей, не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ, такъ какъ самыя событія войны всѣмъ хорошо извѣстны.

Въ неофициальномъ отдѣлѣ № 2 „Инженернаго Журнала“ значительный интересъ представляютъ слѣдующія статьи: „Спитгедскіе форты“, В. В. „Сталелитейный пушечный заводъ близъ С.-Петербурга“, В. Фишера, и „Исслѣдованія и свѣдѣнія относительно наилучшаго расположенія и устройства казарменныхъ помѣщеній“, В. Постельникова.

Первыя двѣ статьи представляютъ живой интересъ потому, что предметы ихъ изслѣдованій, именно береговыя укрѣпленія Англіи и изготовленіе у насъ стальныхъ орудій, принадлежатъ къ вопросамъ наиболѣе современнымъ. Но рядомъ съ этими статьями собственно для лицъ военнаго вѣдомства особенный интересъ и поучительность имѣетъ статья г. В. Постельникова.

Она заключаетъ въ себѣ именно такого рода свѣдѣнія, распространѣніе которыхъ въ военномъ вѣдомствѣ было бы наиболее желательно, а потому считаемъ необходимымъ ознакомить нашихъ читателей съ главнымъ содержаніемъ труда г. Постельникова, хотя было бы весьма желательно, чтобы статья была прочитана въ подлинникѣ всѣми, кто имѣетъ возможность получить ее.

Признавая, что снабженіе войскъ здоровыми и удобными помѣщеніями принадлежитъ къ числу весьма важныхъ государственныхъ вопросовъ, г. Постельниковъ доказываетъ, что изъ всѣхъ системъ расположенія войскъ помѣщеніе ихъ въ казармахъ оказывается наиболее удобнымъ и выгоднымъ.

„Если сравнить—говоритъ онъ—два способа расквартированія войскъ въ мирное время, казарменный и квартирный, то на сторонѣ перваго будутъ преимущества какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ, въ особенности въ настоящее время, когда требованія при воспитаніи и обученіи солдата значительно усилились въ сравненіи съ прежнимъ. При расположеніи въ казармахъ, обученіе войскъ идетъ гораздо успѣшнѣе, потому что только въ этомъ случаѣ могутъ быть сдѣланы всѣ необходимыя приспособленія, какъ-то: манежи, тиръ, гимнастическія залы, школы для грамотности, солдатскія библіотеки (покуда только въ Крюковскихъ матросскихъ казармахъ). Люди въ казармахъ подвергаются неослабному надзору, при которомъ, привыкая къ точному исполненію приказаній, скорѣе приобрѣтаютъ болѣе ясное понятіе о дисциплинѣ. Кромѣ того казармы избавляютъ страну отъ тягостной постоянной повинности и представляютъ возможность дѣлать сбереженіе въ расходахъ на продовольствіе, потому что продовольствовать извѣстное число людей въ большомъ хозяйствѣ обходится относительно дешевле, чѣмъ въ нѣсколькихъ малыхъ хозяйствахъ. При этомъ надо замѣтить вмѣстѣ съ г. Аничковымъ, что хотя, повидимому, содержаніе солдата на квартирахъ обходится казнѣ дешевле, чѣмъ въ казармахъ, но, съ другой стороны, квартирное расположеніе и существующій при немъ способъ продовольствія составляютъ своего рода налогъ, который должно прибавить къ расходу на содержаніе войскъ. Нѣкоторые писатели признаютъ за обывательскими квартирами тѣ преимущества, что нижніе чины, помогая крестьянину въ работѣ, не отвываютъ отъ своего прежняго положенія. Выгода

эта едва-ли не шнимая, такъ какъ зимой нѣтъ полевыхъ работъ и крестьяне сами во многихъ мѣстахъ уходятъ на заработки; лѣтомъ же войска заняты ученьями, маневрами, водовыми работами, стоятъ въ лагеряхъ, несутъ гарнизонную службу по городамъ, и т. д., слѣдовательно не имѣютъ времени помогать въ работахъ. Бѣдные крестьяне терпятъ, какъ извѣстно, большую нужду весною, не имѣютъ перѣдко порядочнаго хлѣба, не говоря уже о говядинѣ и овощахъ. Ту же невзгоду несутъ и солдаты, довольствующіеся отъ обывателей приваркомъ.“

Не менѣе невыгодъ переносятъ и офицеры при расположеніи на обывательскихъ квартирахъ. Наконецъ, сравнивая въ гигиеническомъ отношеніи расположеніе на квартирахъ съ казарменнымъ, трудно высказать что-нибудь опредѣлительное, по недостаточности статистическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе однако можно видѣть, что обывательскія избы въ гигиеническомъ отношеніи гораздо хуже даже и настоящихъ, неventилированныхъ, казармъ; если же казармы снабжены хорошою вентиляціей и вообще хорошо устроены, то для помѣщенія въ нихъ людей онѣ должны быть несравненно выгоднѣе обывательскихъ квартиръ. Притомъ въ казармахъ представляется еще и та важная выгода, что въ нихъ оказаніе заболѣвающимъ медицинскаго пособія гораздо удобнѣе, чѣмъ при расположеніи по квартирамъ.

Выведа такимъ образомъ, что квартированіе въ казармахъ гораздо выгоднѣе расположенія по обывательскимъ квартирамъ, г. Постельниковъ, не предлагая никакого проекта для возведенія казармъ, беретъ на себя болѣе скромный, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени полезный трудъ—изложить свѣдѣнія, которыя должны быть приняты во вниманіе какъ строителями казармъ, такъ и административными лицами, имѣющими какое-либо соотношеніе съ помѣщеніемъ войскъ въ казармахъ.

Не имѣя возможности, по размѣрамъ настоящей статьи, передать съ должною полнотою всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Постельниковымъ, и убѣжденіе, что, сокращая эти свѣдѣнія, мы уничтожимъ ихъ полноту, а слѣдовательно и полезность, полагаемъ за лучшее привести здѣсь лишь перечень тѣхъ предметовъ, которые подлежатъ изслѣдованію въ рассматриваемой нами статьѣ.

Прежде всего г. Постельниковъ указываетъ на тѣ общія и частныя требованія, которымъ должна удовлетворять каждая казарменная постройка собственно со стороны военной архитек-

туры и строительнаго искусства; затѣмъ уже онъ переходитъ къ исчисленію частныхъ, такъ сказать, спеціально-военныхъ требованій. Въ числѣ послѣднихъ онъ въ послѣдовательномъ порядкѣ разбираетъ слѣдующіе вопросы: выборъ мѣста для казармъ; расположеніе ихъ относительно странъ свѣта; величина казарменныхъ построекъ; размѣщеніе нижнихъ чиновъ въ казармахъ; различные способы вентилляціи и отопленія казармъ; устройство отхожихъ мѣстъ, хлѣбопекарныхъ печей, кухонь и столовыхъ; освѣщеніе казармъ; водоснабженіе; кровати; пирамиды для ружей, цѣйхаузы; фельдфебельскія комнаты; образной пеккой; умывальныя комнаты; залъ для фронтоваго ученія, гимнастики и фехтованія. Послѣ того г. Постельниковъ описываетъ разныя помѣщенія, необходимыя собственно для полковыхъ потребностей: дежурныя и другія комнаты, школы, бібліотеки, лазареты, арестантскія, караульны, карцеры, бани, прачешныя, мастерскія, конюшни, погреба и т. п.

Въ заключеніе авторъ разбираетъ главные типы военныхъ казармъ, подводя ихъ по конструкціи къ двумъ главнымъ категоріямъ: 1) тѣ, въ которыхъ комнаты, вполне отдѣленны одна отъ другой, сгруппированы въ каждомъ этажѣ направо и налево отъ лѣстницы; 2) гдѣ комнаты соединяются между собою галереями или коридорами. Сравнивъ обѣ эти категоріи казармъ и указавъ на ихъ недостатки, г. Постельниковъ отдаетъ преимущество расположенію казармы 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и нѣкоторымъ другимъ новѣйшимъ постройкамъ.

Оканчиваетъ свою статью г. Постельниковъ весьма справедливымъ обращеніемъ къ самимъ войсковымъ начальникамъ, чтобы и съ ихъ стороны было устремлено должное вниманіе на казарменное расположеніе. „Недостаточно—говоритъ онъ—только выстроить казармы по извѣстнымъ правиламъ строительнаго искусства и архитектуры: необходимо еще, чтобы полковое начальство неусыпно заботилось какъ объ удаленіи всего вреднаго для здоровья солдата, такъ и для поддержанія умѣренной теплоты и хорошей вентилляціи въ казармахъ, во всякое время года. Полковые врачи не могутъ одни, безъ инициативы полковаго начальства, организовать правильный раціональный присмотръ за казарменными помѣщеніями. Можно желать, чтобы гг. офицеры, которымъ ввѣряется надзоръ за нижними чинами, позанимались изученіемъ необходимыхъ вопросовъ военной

гигіены. Сохраненіе здоровья, а слѣдовательно и жизни солдатъ, должно составлять одну изъ главныхъ заботъ каждаго офицера.“

Чтобы закончить настоящее обозрѣніе „Инженернаго Журнала“, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ статьяхъ втораго, такъ называемаго, неизвѣстно почему, литературнаго отдѣла. Къ нимъ относятся весьма слабыя „Выдержки изъ воспоминаній о южной арміи“, г. Л. К. (въ № 9), и двѣ статьи: въ № 1: „Фортъ Перовскій и его окрестности (изъ путевыхъ замѣтокъ о Киргизской степи)“, г. Ар. Грена, и въ № 2: „Замѣтки о сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ“, г. А. С. Въ статьѣ г. Грена нѣкоторый интересъ представляютъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія объ отношеніяхъ Коканскаго ханства къ Бухарѣ; самыя же свѣдѣнія о сыръ-дарьинской линіи очень скудны и притомъ нѣсколько устарѣли. Тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ похвалою о намѣреніи редакціи „Инженернаго Журнала“ знакомить своихъ читателей съ отдаленными странами нашего отечества, преимущественно по отношенію къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣютъ наиболѣе интереса для военнаго инженера. Къ числу подобныхъ очерковъ и принадлежатъ статьи гг. Ар. Грена и А. С. о сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ; къ этому же разряду статей можетъ быть отнесена и статья Сѣверянина, въ № 5: „О лѣсопромышленности, лѣсныхъ матеріалахъ и судостроеніи при рѣкахъ въ сѣверной Россіи“ (изъ путевыхъ замѣтокъ по Новгородской губерніи).

Опытъ медицинской географіи Кавказа относительно перемежающихся лихорадокъ. Съ картою распространенія лихорадокъ на Кавказъ и рисунками. Сочиненіе Н. Торопова, доктора медицины, главнаго лекаря кутаисскаго военнаго госпиталя. С.-Петербургъ. 1864. Въ 8-ю д. л. 416 стр.

Въ прежнее доброе время, даже въ образованныхъ государствахъ, на армію смотрѣли только какъ на матеріальную силу, необходимую для правительственныхъ цѣлей, и всѣ заботы о единицахъ, ее составляющихъ, заключались лишь въ томъ, чтобъ эти единицы по возможности не нуждались въ необходимомъ. Если же происходили какія реформы и возникали улучшения, то или относительно усовершенствованія разныхъ

разрушительныхъ снарядовъ, средствъ обороны, или, наконецъ, сокращенія государственныхъ расходовъ. Армія, какъ сила, убыль которой, случайная или постоянная, пополняется разъ опредѣленными условіями, долго была изолированной массой, которая, поглощая лучшій цвѣтъ народныхъ силъ, шла по извѣстной проложенной колеѣ, имѣя въ виду быть готовою къ оборонительнымъ и наступательнымъ дѣйствіямъ. Конечно, матеріальное обезпеченіе солдата и офицера всегда болѣе или менѣе занимало администрацію и вызывало тѣ или другія мѣры; но эти мѣры, можно сказать, ограничивались преимущественно какимъ-нибудь кажущимся облегченіемъ, были хороши въ теоріи и на бумагѣ, но мало помогали дѣлу въ приложеніи къ практикѣ.

Съ поступательнымъ движеніемъ цивилизаціи, когда война перестала быть исключительнымъ поприщемъ славы, на которое многіе стремились изъ любви къ искусству, когда на войну стали смотрѣть какъ на тяжелую, но неизбѣжную необходимость, въ образованныхъ правительствахъ измѣнился взглядъ и на самую армію и на единицы, ее составляющія. Лучшіе люди изъ среды военнаго же сословія начали прилагать свои дарованія не только къ изобрѣтенію и усовершенствованію разрушительныхъ снарядовъ, средствъ обороны, новыхъ стратегическихъ приѣмовъ и разумнаго распредѣленія бюджета, но и къ поднятію уровня матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія массы людей, оторванныхъ отъ домашняго очага, разлученныхъ съ семьей и отдавшихъ всецѣло свои силы для цѣлей и потребностей государства.

Слѣдуя по пути прогресса, и Россія, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, т. е. отъ самаго начала царствованія императора Александра II, вслѣдъ за окончаніемъ крымской войны, предприняла, совершила и постоянно предпринимаетъ и совершаетъ рядъ преобразованій, которыя благотворно вліяютъ на благосостояніе нашей арміи. Намъ нечего указывать на эти преобразованія: они слишкомъ хорошо извѣстны въ кругу нашихъ читателей; но мы смѣло можемъ сказать, что въ настоящее время наша армія, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, быстро приближается къ тому уровню, какой желателенъ во второй половинѣ XIX столѣтія.

Солдатъ нашъ безспорно пересталъ уже быть пассивной машиной, дѣйствовавшей безсознательно, и кромѣ того, бывъ

облегченъ въ одеждѣ, что весьма важно, получить значительное сокращеніе во времени службы, сдѣлавшись грамотнымъ и изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, что возвысило его въ собственныхъ глазахъ, увидѣлъ вмѣстѣ и улучшеніе матеріальной обстановки. Военное хозяйство тоже въ свою очередь подверглось кореннымъ преобразованіямъ, и знаменитая некогда благо-разумная экономія, различными злоупотребленіями, переводившія на нѣ солдатскую, такъ и казенную копѣйку, уже перешли въ область преданій. Теперь солдатъ, кромѣ того что знаетъ, сколько и чего ему слѣдуетъ, убѣжденъ еще и въ томъ, что все слѣдуемое получить непременно и своевременно.

Высшая администрація, какъ это видно изъ всѣхъ ея дѣйствій, простираетъ свою дѣятельность не на одни только важные предметы, но и на самыя мелочи, стараясь привести все въ одну стройную систему, и старые, отжившіе порядки вездѣ замѣняетъ новыми, сообразными съ духомъ времени и ходомъ обстоятельствъ.

Въ числѣ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе высшей администраціи, была и медицинская часть нашей арміи. Кому неизвѣстно, что въ прежнее время сильно у насъ хромала военная медицина, и что если во всѣхъ частяхъ, гдѣ полагались госпитали и лазареты, и были эти учрежденія со всею форменною обстановкою и комплектномъ лекарей, фельдшеровъ, смотрителей, медикаментовъ, бѣльи, посуды и проч., то все-таки леченіе больныхъ находилось весьма не въ удовлетворительномъ положеніи. Не составляетъ также тайны и то обстоятельство, что самое леченіе въ военномъ вѣдомствѣ, особенно въ провинціальныхъ госпиталяхъ, шло крайне небрежно, какъ отъ системы, всегда отстававшей далеко отъ успѣховъ науки, такъ и отъ недостатка разныхъ медикаментовъ, невходившихъ въ составъ военныхъ аптекъ, и, наконецъ, отъ различныхъ злоупотребленій. Главное вниманіе даже медицинскихъ чиновъ обращено было на непогрѣшимость отчетовъ, и непогрѣшимость эта не преимуществу заключалась въ томъ, чтобы численность умершихъ не превышала известной нормы, для чего иногда покойники показывались живыми и сбывали съ толку статистику.

Въ словесіи военныхъ медиковъ проявлялось весьма мало любознательности, не потому, чтобъ изъ нихъ не было людей способныхъ или преданныхъ наукѣ, но потому, что каждый

молодой энергический врач, готовый служить общему дѣлу, непрямьно встрѣчалъ противодействие на верхнихъ ступеняхъ своей медицинской іерархіи. Всякое стремленіе къ наугѣ и вообще къ энергической дѣятельности обнаруживается въ человѣкѣ преимущественно въ молодости, и потому только молодые врачи, недавно еще оставившіе академическія или университетскія аудиторіи, обнаруживали наклонность прилагать къ дѣлу свои свѣже-добытыя познанія; но тутъ же на первыхъ порахъ они и встрѣчали препятствія, порой даже вредныя для нихъ по своимъ послѣдствіямъ въ служебномъ отношеніи. Въ прежнее время мѣста дивизионныхъ и корпусныхъ штабъ-докторовъ занимали люди можетъ быть и почтенные и нѣкогда занимавшіеся наукою, но, войдя въ чины и достигнувъ чуть не старческаго возраста, они не только (разумѣется, съ исключеніями) не слѣдили за наукою, а открыто не признавали нововведеній, несогласныхъ съ предавіями какой-нибудь старинной школы. Вслѣдствіе этого молодому медику невозможно было прилагать къ дѣлу своихъ познаній, потому что способъ его леченія шелъ въ разрѣзъ съ методою старшихъ, такъ сказать, съ методою официальною, принятою въ данномъ госпиталѣ, въ полку, въ корпусѣ. Нѣкоторые штабъ-доктора, желая возможнаго единства, строго преслѣдовали въ районѣ своей власти всякій самостоятельный взглядъ медика, и если, положимъ, какое-нибудь медицинское снадобье признано было наукою неудобнымъ, а въ известномъ корпусѣ оно употреблялось, то никто не смѣлъ слѣдовать указаніямъ новѣйшихъ опытовъ. Были, и мы лично знаемъ такихъ формалистовъ, которые, читая скорбные листы, составлявшіеся по-латынѣ, и находя грамматическія ошибки, распекали молодыхъ лекарей, и погрѣшность противъ какого-нибудь супина или склоненія приписывали неисправности и неспособности врача, о чемъ и говорили во всеуслышаніе. Есть еще, вѣроятно, въ живыхъ лица, которыя помнятъ споръ одного высшаго медицинскаго чиновника съ молодымъ ординаторомъ у постели больного. При ревизіи госпиталя, старикъ-докторъ у постели больного потребовалъ отчетъ о леченіи. Ординаторъ съ удовольствіемъ началъ разсказывать, какъ ему удалось побѣдить упорную болѣзнь, грозившую смертію. Старикъ-медикъ встрѣтилъ новое для него лекарство и напустился на молодого человѣка за то, какъ онъ смѣлъ употребить средство, незначившееся по каталогу, стоившее лишнихъ денегъ

на выписку изъ вольной аптеки и, наконецъ, неспривычное мѣстными властями. Молодой врачъ выдержалъ бурю и заявилъ, что готовъ принять расходъ на себя. Тогда окончательно разсерженный начальникъ объявилъ подчиненному, что, пока онъ живъ, у него въ вѣдомствѣ не будетъ въ употребленіи „какая-то мерзость, выдуманная глупыми нововводителями!“ — „Предмѣстникъ мой—прибавилъ онъ—двадцать лѣтъ употреблялъ противъ этой болѣзни вотъ то и то, а употребляю уже лѣтъ пятнадцать: какъ же вы смѣете вводить свои порядки?“ Впрочемъ, подобныя вещи случались и не въ столь отдаленное время, хотя, конечно, уже не повторяются.

За послѣднія десять лѣтъ наше военно-медицинское вѣдомство далеко ушло впередъ, и теперь не рѣдкость въ сословіи полковыхъ или госпитальныхъ врачей встрѣтить личности высоко-развитыя и обладающія обширными познаніями по своему предмету. Медицинскій департаментъ военнаго министерства въ свою очередь употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы общество военныхъ врачей исполняло свое дѣло сообразно съ указаніями новѣйшей науки, и кромѣ спеціальнаго журнала издаетъ повременамъ книги, имѣющія интересъ какъ въ медицинскомъ мірѣ вообще, такъ и въ военно-медицинскомъ въ особенности. Передъ нами въ настоящее время лежатъ двѣ подобныя книги: одна, заглавіе которой выставлено въ началѣ нашей статьи, другая переводъ съ французскаго „Руководство къ изученію медицинской географіи и статистики, и эндемическихъ болѣзней“ Ж. Будена. О важности послѣдняго сочиненія упомянуто было у насъ еще въ 1863 году („Военный Сборникъ“, №№ 4 и 5).

Оригинальныя русскія сочиненія по части медицины большая у насъ рѣдкость, а „Опытъ медицинской географіи Кавказа“ первое въ своемъ родѣ явленіе, и примѣру г. Торопова нельзя не пожелать какъ можно больше подражателей.

Г. Тороповъ задался мыслию начертать карту распространенія лихорадокъ на Кавказѣ и, пользуясь этимъ случаемъ, далъ намъ прекрасное и по возможности полное описаніе огромной области, стяжавшей такую громкую извѣстность во всемъ мірѣ, какъ величіемъ и дикою красотой своихъ горъ, такъ и болѣе нежели полувѣковой борьбою цивилизаціи съ дикими хищническими племенами. Описаніе это интересно не только для медика, который найдетъ въ немъ много любо-

литныхъ данныхъ, но и для неспеціалиста, который просто захочетъ познакомиться съ Кавказомъ изъ любознательности. Конечно, у г. Торопова были главнѣйше въ виду читатели, принадлежащіе къ медицинскому сословію, но онъ такъ полно и добросовѣстно обставилъ трудъ свой, что каждый образованный человѣкъ прочтетъ его книгу отъ начала до конца съ бодрѣющимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Кто не слышалъ о кавказскихъ лихорадкахъ—мы уже не говоримъ о людяхъ, кому доводилось испытать ихъ—и кто не выслушивалъ разсказовъ о муженькахъ этой болѣзни, являющейся на друшійхъ мѣстностяхъ Россіи въ болѣе снисходительныхъ формахъ? Разумѣется, всякая лихорадка неприятна, и переносить ее вообще навесело, но „кавказская тетушка“, какъ называли ее старые служажки, приводила въ содроганіе не одного храбреца, который равнодушно шелъ на черкесскіе завалы и спокойно выдерживалъ атаки сильнѣйшихъ десятиро горцевъ. Кавказская лихорадка въ особенности губительно дѣйствуетъ на прищлагаго человѣка, и намъ случалось видѣть людей, которые спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нея не могли еще придти въ нормальное положеніе.

И что же оказывается? Г. Тороповъ, на основаніи опыта, утверждаетъ, что кавказскія лихорадки тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ, но что въ прежнее время ихъ не умѣли излечивать, и что больные, по окончаніи болѣзни, страдали уже собственно послѣдствіями неправильнаго леченія. Книга г. Торопова такъ замѣчательна, что мы, въ интересъ читателей, будемъ приводить нѣкоторые мѣста въ подлинникѣ и только въ случаѣ надобности позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторые замѣчанія.

„Если вспомнить, что дѣлалось тамъ (на Кавказѣ)—говоритъ авторъ—лѣтъ двадцать тому назадъ или болѣе, когда, напримѣръ, въ укрѣпленіяхъ нашихъ шю берегамъ Чернаго моря гарнизоны вымирали и обновились въ три-четыре года, то, конечно, тогда врагъ такой могъ быть страшнымъ, и мысль о Кавказѣ должна была вызвать непременно мысль объ убійственной лихорадкѣ. Но теперь, когда медицина такъ шагнула впередъ, когда мы узнали, чѣмъ бить нашего врага наповаль, и когда теперь отъ лихорадокъ уже не умираютъ, пора бы, кажется, и перестать сморгать на Кавказъ какъ на пугало въ своемъ отхожаніи.“ (Стр. 1.)

Далѣе авторъ говоритъ, что причиною дурной славы Кав-

каза — просто незнаніе края, вслѣдствіе чего Кавказъ и есть „пугало“ не только для публики, но и для науки, депо самыхъ убійственныхъ лихорадокъ, цынги, тифовъ, холеры, дисентерій, желчныхъ лихорадокъ.

„На дѣлѣ же лихорадки держатся тутъ по болѣзненнымъ нивинамъ и лечатся отлично, если только лечатся съ толкомъ; цынга является только тамъ, *иде людей слишкомъ плохо кормятъ*; тифы водятся только во время турецкихъ кампаній (?) или теперь въ старыхъ тѣсныхъ гнилыхъ казармахъ; холера заглядываетъ только мимоходомъ, и то не забираясь въ мѣста высокія; чумы давнымъ-давно нѣтъ; дисентеріи встрѣчаются не чаще, какъ въ иномъ мѣстѣ Россіи, а страшныя желчныя лихорадки существуютъ только въ наваганіи, совершенно тривіальномъ, придуманномъ въ бывшее время прежнею медициною для оправданія тогдашней нѣжной любви къ калемелю, *оставшемуся столькожъ старыхъ кавказцевъ безъ зубовъ.*“ (Стр. 2.)

Авторъ говоритъ, что на Кавказѣ смертность ничуть не больше, какъ и въ остальной Россіи, и приводитъ интересныя цифры постепеннаго и быстрого уменьшенія ея въ кавказской арміи: въ 1837 году умиралъ 1 изъ 9 больныхъ, а въ 1862 году 1 изъ 41.

„Присматриваясь къ этимъ отраднымъ цифрамъ—далѣе говорить г. Тороповъ—поневолю приходимъ къ вопросу: неужели и впередъ смертность у насъ будетъ уменьшаться? Положительно да! Потому что и теперь еще далеко не вездѣ на Кавказѣ обращаются съ лихорадками такъ, какъ слѣдуетъ, далеко еще не всеми понята эта простая болѣзнь, которая потому слишкомъ часто еще остается невылеченною и потому все еще увеличиваетъ смертность, тогда какъ на дѣлѣ она не только послушнѣе всякой другой болѣзни нашему леченію, но короша еще и тѣмъ, что какъ будто отклоняетъ отъ насъ много другихъ болѣзней, именно горячекъ, воспаленій, язвъ, сыпей, худосочій и другихъ болѣзней, а главнѣе всего чашотокъ.“ (Стр. 3.)

Соглашаясь съ этимъ предположеніемъ, авторъ надѣется, что, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ условій, смертность въ войскахъ на Кавказѣ будетъ менѣе, нежели гдѣ бы то ни было, а теперь хотя смертность и уменьшается постоянно, но все еще велика пропорціонально болѣзненности, зависящей отъ не-

бытка лихорадокъ, которыми болѣеть все-таки 66 человекъ изъ 100 всѣхъ вообще заболѣвающихъ.

„Этого много—прибавляетъ авторъ—и такого числа случаевъ лихорадокъ на общее число больныхъ нигдѣ нѣтъ въ цѣлой Россіи. Но слѣдуетъ ли изъ того, что Кавказа нужно бояться ради этой именно его лихорадочности? Совсѣмъ нѣтъ: потому, конечно, что нѣтъ болѣзни, которая излечивалась бы такъ чисто, вѣрно и скоро, какъ лихорадка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она же, эта лихорадка, *коль скоро ее не лечатъ какъ слѣдуетъ или лечатъ дурно, непременно ведется, хотя и медленно, къ заваламъ, водянкѣ и къ смерти.*“ (Стр. 4.)

Здѣсь авторъ переходитъ къ тому заключенію, что мало еще хорошо лечить болѣзнь, но что столь же важно и умѣть предупреждать ее, и послѣднее считаетъ даже болѣе важнымъ. Для этого необходимо знать какъ причину развитія болѣзни въ организмъ, такъ и мѣсто ея распространенія на земномъ шарѣ. На первый вопросъ отвѣчаетъ изученіе самой природы болѣзни, а второй разрѣшается только съ помощію медицинской географіи, науки весьма еще молодой, начавшейся лишь въ концѣ прошлаго пятидесятилѣтія. Эндемическія же болѣзни, т. е. такія, которыя присущи только извѣстнымъ мѣстностямъ, по мнѣнію автора, съ которымъ нельзя и не согласиться, изучаются вполнѣ *только съ помощію медицинской географіи.* Поэтому-то и изученіе перемежающейся лихорадки шло доселѣ неуспѣшно. Г. Тороповъ приводитъ данныя, которыя доказываютъ, что онъ находился подъ весьма благоприятными условіями для составленія своего описанія и карты перемежающихся лихорадокъ.

„Не знаю—говоритъ онъ—удалось ли мнѣ; но, по крайней мѣрѣ, мнѣ хотѣлось еще, чтобы прочитавшій мою книгу могъ съ перваго же взгляда на всякую новую мѣстность, безъ всякихъ предварительныхъ свѣдѣній, а только взглянувъ на нее и на окрестности, рѣшить: лихорадочныя онѣ или нѣтъ, и если лихорадочныя, то въ какой мѣрѣ? Это важно въ томъ отношеніи касательно лихорадокъ, что *вездѣ около самой нездоровой мѣстности, найдутся всегда и совершенно здоровыя;* а это-то и хорошо знать не только всякому частному человеку, но еще болѣе и всякому лицу административному. Но самую очевидную пользу знаніе условій развитія и распространенія лихорадокъ въ краѣ принесло бы, безъ сомнѣ-

ніа, администраціи военной, которая въ такомъ случаѣ, зная что ожидаетъ гарнизонъ въ данномъ мѣстѣ, могла бы не занимать подъ укрѣпленіе или подъ станицу такой пунктъ, который могъ бы замѣненъ быть другимъ, столь же отвѣчающимъ стратегическимъ надобностямъ, но не представляющимъ тѣхъ болѣзнетворныхъ условий, которыя подчасъ дѣлаютъ невозможнымъ самое существованіе человека. Укрѣпленій въ этомъ родѣ было у насъ особенно много, до послѣдней войны, на нашемъ черноморскомъ берегу. Но еще есть и теперь подобныя даже въ горахъ, да такія, что будутъ похуже много черноморскаго, какъ, на примѣръ, Преображенское на Андійскомъ-войсу въ Дагестанѣ. Бывало, придетъ туда баталіонъ въ полномъ походномъ составѣ, а выходитъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ едва четвертая его часть, и то еле движущая нога. Кажется, Преображенское упраздняютъ именно по этой причинѣ. Съ другой стороны, при выборѣ мѣста подъ лагерь, особенно укрѣпленный, подъ поселеніе, подъ госпиталь, отъ сколькихъ бы грустныхъ послѣдствій избавило насъ знаніе самими администраторами условий лихорадочности любого мѣста, тѣмъ болѣе, что насъ, медиковъ, или не спрашиваютъ, или отвѣчаютъ намъ, что такъ нужно для цѣлей стратегическихъ, которыхъ мы, въ такомъ дѣлѣ, понимать не можемъ, хотя на дѣлѣ-то очень и очень рѣдко встрѣчается стратегическая надобность, ради которой бы дозволялось жертвовать гарнизономъ или населеніемъ избраннаго пункта. А если бы администраторъ, считающій излишнимъ нисходить до совѣта съ спеціалистами, зналъ самъ что въ какомъ мѣстѣ ожидается гарнизонъ, то нашелъ бы возможнымъ, минуя нездоровый пунктъ, удовлетворить всѣмъ потребностямъ, и стратегическимъ и гигиеническимъ. Особенно хорошо было бы, если бы офицеры генеральнаго штаба присовокупили къ своимъ широкимъ познаніямъ и это крошечное знаніеце.

Сознавая необходимость общей медицинскон географіи, авторъ ограничивается лишь описаніемъ мѣстностей, подверженныхъ кавказскимъ лихорадкамъ, и говорить, что Кавказъ въ этомъ отношеніи представляетъ множество удобствъ, такъ какъ въ немъ заключаются климаты чуть не всей Европы и вмѣстѣ цѣлыя пространства, свободныя вовсе отъ лихорадокъ, и такія, гдѣ лихорадки самыя лютыя, повальныя до того, что не падаютъ не только человека, но и животныхъ.

„Послѣ этого, кажется, не можетъ подлежать никакому со-

мнѣнію, что именно на Кавказѣ-то и должно быть — современемъ, конечно — сказано послѣднее слово о перемежающейся лихорадкѣ. Здѣсь она дома и проявляется во всей своей силѣ и во всемъ разнообразіи своего развитія, такъ что здѣсь есть и столь легкія формы ея, что проходятъ иногда безъ всякаго леченія, и есть опять такія, гдѣ два, три часа потеряннаго времени стоятъ заболѣвшему жизни. Накоонецъ, я засталъ вдѣсь еще то время, когда почти совсѣмъ не понимали силы хинина и когда врачи, теряясь передъ такимъ врагомъ, какъ лихорадка, съ которымъ не въ силахъ были управляться, изображали его чудовищемъ необоримымъ. Читая одно изъ образцовыхъ кавказскихъ произведеній того времени о лихорадкахъ, а именно трактатъ доктора Минкевича (*), нельзя не подумать, что лихорадку кавказскую въ самомъ дѣлѣ остается только изучать на трупахъ, а одолѣвать ее и предупреждать развитіе гибельныхъ послѣдствій нѣтъ никакихъ средствъ. Были, правда, и въ то время счастливцы, попавшіе на дѣйствительный способъ употребленія хинина; но ихъ было мало, а чаще всего лазареты и госпитали бывали завалены блѣдными личностями, съ раздутыми отъ заваловъ животами, и смертность была, конечно, ужасающая. Съ той поры мы уже на столько ушли впередъ, что считаемъ себя въ правѣ осуждать того врача, который допустить у больного болѣе 3 или 4 пароксизмовъ лихорадки съ того дня, какъ начато леченіе, а тѣмъ болѣе осуждаемъ того, который дозволить развиться полному лихорадочному худосочию въ больномъ во время самаго леченія.“ (Стр. 8—9.)

По мнѣнію автора, перемежающаяся лихорадка развивается въ человѣкѣ только тогда, когда въ кровь его поступаетъ болотная миазма, которая попадаетъ въ кровь не иначе, какъ изъ воздуха, которымъ человѣкъ дышитъ, или изъ воды, употребляемой имъ для питья. Изъ этого весьма естественно слѣдуетъ, что лихорадочны только тѣ мѣстности, гдѣ имѣется миазма въ воздухѣ. Значитъ, чтобъ удостовѣриться въ лихорадочности какаго-либо мѣста, необходимо умѣнье опредѣлить присутствіе миазмы.

„А такъ какъ—говоритъ г. Тороповъ — пока это еще невозможно ни для глаза (съ рѣдкими исключеніями), ни для реактивовъ, то мы имѣемъ возможность узнавать присутствіе

(*) О кавказскихъ, преимущественно дагестанскихъ, лихорадкахъ („Военно-Медицинскій Журналъ“ 1850 г., II, и 1851, I).

міазмы по присутствію источниковъ ея. Мало того: по большому или меньшему количеству этихъ источниковъ мы можемъ судить даже и объ обилии міазмы.

„Но міазма летуча и смѣшивается съ воздухомъ, который можетъ передвигаться съ мѣста, гдѣ міазма образуется, на мѣсто, неимѣющее ни малѣйшихъ источниковъ ея. Поэтому, рѣшая вопросъ о присутствіи міазмы, мы должны брать въ расчетъ, кромѣ источниковъ ея мѣстныхъ, еще и присутствие или по сосѣдству.

„Итакъ, нужно знать источники міазмы, т. е. *условія ея происхожденія*. Проще этихъ условій ничего быть не можетъ. Одиннадцать лѣтъ я слѣжу за ними и выработалъ *убѣжденіе*, которое смѣло ставлю закономъ и которое формулируется такъ: *міазма лихорадочная развивается только тамъ, гдѣ тепло, сырость и тепло*, а гдѣ нѣтъ хотя *одного* котораго-либо изъ этихъ трехъ условій, тамъ образоваться міазма не можетъ. Другими словами, для развитія міазмы необходимы: растительный матеріалъ для разложенія, вода для его растворенія и тепло для ускоренія этого разложенія. Но такъ какъ на поверхности земли нѣтъ естественныхъ безвоздушныхъ пространствъ, то о воздухѣ и рѣчи быть не должна.“ (Стр. 10—11.)

Основываясь на такихъ убѣжденіяхъ, провѣренныхъ многолѣтнимъ опытомъ, авторъ начерталъ карту кавказскихъ лихорадокъ и написалъ свой опытъ медицинской географіи по слѣдующей программѣ. Но мы здѣсь приведемъ слова автора:

„Теперь, приступая къ моему опыту изложенія пиретологической географіи Кавказа (*), считаю необходимымъ оговориться, чтобы названіе географіи не привело читателя къ ошибочному заключенію насчетъ содержанія. Обыкновенно у насъ подобныя работы называютъ медико-топографическими очерками. У меня же трактуется не собственно объ одной топографіи края, но и о климатѣ, который къ топографіи отношеній не имѣетъ никакихъ. Поэтому, если бы не малоупотребительность названія „физиографія“, то оно бы вѣрнѣе выражало все что намъ нужно, такъ какъ тутъ именно излагаются лишь физиологическія свойства края. Поэтому вся работа моя и состоитъ изъ шести отдѣленій: *въ первомъ* сдѣланъ общій очеркъ всему краю; но такъ какъ по разнохарактерности всѣхъ частей Кавказа подобное описаніе невозможно, то и пришлось мнѣ очер-

(*) Пиретология—наука о лихорадкахъ.

ткнѣ особенностей каждой части края порознь, слѣдуя естественнымъ разграниченіямъ, послѣ чего уже и характеризованы общія граници Кавказа и его положеніе. Затѣмъ, во *второмъ* отдѣлѣ, характеризуется рельефъ Кавказа, т. е. орографическія особенности. Конечно, это не перечисленіе горъ, долинъ, равнинъ и т. п., а указаніе особенностей ихъ и тѣхъ вліяній, какія оказываютъ горы, плоскія возвышенности, ущелья, котловины, долины и равнины на распространеніе лихорадокъ. Во *третьемъ* отдѣлѣ изложено геологическое строеніе края, но лишь на столько, сколько того требуетъ изученіе вліянія почвы на развитіе лихорадокъ. Во *четвертомъ* разобраны гидрографическія особенности Кавказа и определено участіе каждого рода водъ въ развитіи лихорадокъ. Во *пятомъ* отдѣлѣ разсматривается кавказскій климатъ въ отношеніи температуры, движенія воздуха, его сырости, плотности и т. п., все на основаніи метеорологическихъ наблюденій и все по отношенію къ развитію и распространенію лихорадокъ. Наконецъ, во *шестомъ* отдѣлѣ определяется участіе растительной и животной жизни на Кавказѣ въ произведеніи лихорадочной миазмы. (Стр. 11—12.)

Мы особенно подробно занялись вступленіемъ на томъ основаніи, что оно какъ нельзя лучше выясняетъ и содержаніе книги и воззрѣніе автора на предметъ.

Затѣмъ описаніе всѣхъ отдѣловъ, знакомя читателей съ природою Кавказа, идетъ постоянно въ одной цѣли—показать мѣстности, изобилующія лихорадочною миазмой, и по возможности раскрыть естественныя причины лихорадочности. Авторъ, какъ по своему званію, исходящій Кавказъ по всѣмъ направленіямъ и горячо преданный своему дѣлу, не ограничивается голословными указаніями, а представляетъ вездѣ положительныя данныя. Онъ старается доказать, и доказываетъ съ успѣхомъ, свою основную мысль, что лихорадочная миазма развивается только тамъ, гдѣ зелено, сухо и тепло. Конечно, человѣку, мало знакомому съ Кавказомъ, можетъ зарониться мысль, что г. Тороповъ, задавшись предвзятою цѣлю, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ натяжкамъ для доказательства своего убѣжденія; но такой скептическій взглядъ въ этомъ случаѣ былъ бы далеко невѣрнымъ. Мы сами довольно странствовали по Кавказу и Закавказью, и хотя, конечно, не имѣли въ виду наблюдать лихорадочности края, однако очень хорошо видимъ, что всѣ мѣстности,

знакомы такъ, описаны у г. Торопова и чрезвычайно правильно и добросовѣстно.

Здѣсь однакожь необходимо оговориться, что данныя, служившія для описанія г. Торопову, а рецензенту при разборѣ сочиненія, безспорно измѣнились съ окончательнымъ замиреніемъ Кавказа, совершившимся такъ недавно. Въ особенности такъ называемый правый флангъ — мѣстность, лежащая на западной сторонѣ Кавказа — можетъ доставить еще много матеріаловъ во многихъ отношеніяхъ. Разумѣется, и объ этомъ край можно судить приблизительно; но добросовѣстный изслѣдователь не позволитъ себѣ строить теоріи, основываясь на одной вѣроятности, и потому вновь покоренная часть Кавказа ожидаетъ еще, можно сказать, первоначальныхъ изслѣдованій. Мы знали, напримѣръ, восточный берегъ только по линіи укрѣпленій, т. е. знали вѣроятно прибрежныя мѣстности, а дальше была настоящая terra incognita, о которой извѣстно было все что лишь по рассказамъ лицъ, бывшихъ въ плѣну у горцевъ.

Развернувъ карту лихорадокъ, составленную г. Тороповымъ, по которой мѣстороженіе болѣзни обозначено зеленымъ цвѣтомъ, мы видимъ лихорадочныя мѣстности по сю сторону хребта вдоль рѣчекъ, въ изобиліи въ Кубанской долинѣ и потомъ въ долинѣ Терека близъ впаденія его въ Каспійское море. По ту сторону значительная лихорадочность видна въ Мингрелии, въ Алаванской долинѣ и, наконецъ, по всей Муганской степи и вообще при впаденіи Куры въ Каспійское море. Эти мѣстности надо считать уже въ высшей степени заразительными, судя по густотѣ зеленой краски, потому что здѣсь она лежитъ по картѣ густымъ слоемъ.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ по всему Кавказу, потому что иначе статья наша разрослась бы до излишнихъ размѣровъ, но возьмемъ нѣсколько мѣстъ на выдержку, и увидимъ, что онъ вездѣ вѣренъ своей идеѣ и разбираетъ предметъ до мельчайшихъ подробностей.

Кто бывалъ за Кавказомъ, и именно въ Кахетіи, тотъ, вѣроятно, никогда не забудетъ Алаванской долины, воспомѣтой Марлинскимъ въ „Очеркахъ Кавказа“. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь живописнѣе. Но посмотримъ, какъ взглянулъ на нее г. Тороповъ.

„Эта долина составляетъ обширную, продолговатую колыбелю, замкнутую длинною вѣтвью, отошедшею отъ главнаго

хребта, ему параллельною, которая, давая только выходы в долины Алазани, продолжается далѣе, почти до Шемахи, гдѣ она сливается съ послѣднимъ развѣтвляющимъ хребтомъ. Окруженная, такимъ образомъ, со всехъ сторонъ горами, долина Алазани не подчиняется никакимъ влияніямъ сообидныхъ сторонъ и живетъ своими собственными условіями. Хотя южная окраина ея не слишкомъ высока, тѣмъ не менѣе достаточна для того, чтобы защищать ее со стороны юга отъ тѣхъ незначительныхъ теченій воздуха, которыя могли бы происходить оттуда, но которые все-таки почти не бывають, по той причинѣ, что условія для нагрѣванія атмосферы и тутъ и тамъ одинаковы. Склоны гбръ, окружающихъ Алазанъ съ сѣвера и востока, почти покрыты лѣсами, которые отчасти задерживаютъ теченіе въ долину воздуха, охлажденнаго на сѣверныхъ горахъ. Оттого лѣтніе жары здѣсь нестерпимы; но множество ручьевъ, ниспадающихъ къ Алазани, даетъ жителямъ всѣ средства для обильнаго и постоянного орошенія ихъ садовъ и полей, что и составляетъ главную причину какъ той изумительной растительности, которая даетъ извѣстность Кавказу, такъ и той лихорадочности, которая отравляетъ существованіе въ этомъ прелестномъ саду Закавказья. Но такое только иррациональнѣе, сама деспотичность, которую же ея, на склонахъ сообидныхъ возвышенностей, многотысячнхъ мѣсть, гдѣ впазы болотной вѣты, а потому лихорадками тамъ люди не болѣють. Таково здѣсь, напримеръ, урочище Царскіе Колодцы, одно изъ самыхъ здоровыхъ мѣсть на Кавказѣ." (Стр. 23—24.)

При воспоминаніи о Царскихъ Колодцахъ, намъ пришло на мысль, какъ въ прежній времена администрація смотрѣла на квартированіе войскъ на Кавказѣ и съ Кавказомъ. Въ двадцать тому назадъ, въ Царскихъ Колодцахъ стоялъ Тиманскій егерскій полкъ, а покѣе въ долину, верстахъ въ четырехъ, Нижегородскій драгунскій полкъ помѣщался въ урочищѣ Карагачъ. Лѣтомъ, по причинѣ нездоровой мѣстности въ долину драгуновъ переводили въ Царскіе Колодцы, а въ Карагачъ стоялъ отрядъ изъ донскихъ казачковъ.

Лихорадочность, по мнѣнію г. Торопова, гнбдатель даже и тамъ, гдѣ растительность развивается и поддерживается системой искусственнаго орошенія.

Высокія мѣста — говорить онъ — холодны и имѣють круглую зиму и прохладное лѣто, а низменности не знаютъ зимы,

не страдают отъ невысшигающаго гѣтлаго адеа. Оттого-то на низинахъ, гдѣ только есть вода для орошенія, тамъ и живить жизнь, а гдѣ воды нѣтъ, тамъ все мертвое, все выжжено солнцемъ. Безъ искусственнаго орошенія, по закавказскимъ низменностямъ все выгораетъ, и только раннею весною и позднюю осенью, притомъ когда нѣтъ недостатка въ дождяхъ, такіа мѣста покрываются еще зеленью; въ остальное же время года они представляютъ желтые, выгорѣвшіе безжизненные пустыри. Такихъ мѣстъ въ бассейнѣ Куры множество, до того, что даже наибольшую его часть составляютъ они. Лѣтомъ здѣсь только по сторонамъ рѣкъ и оросительныхъ канавъ зеленеютъ сады и посѣвы, какъ оазисы среди мертвой природы. Но за те и лихорадки въ этихъ искусственно-поливаемыхъ мѣстахъ часты какъ земля божье, не щадятъ никого и злы доцельа". (Стр. 72.)

Въ горяхъ часто встрѣчаются такъ называемыя котловины, чрезвычайно вредныя для здоровья и обладающія всѣми тремя условіями, вызывающими лихорадочность.

„Присутствіе здѣсь всѣхъ трехъ условій для развитія миазмы, при такой замкнутости мѣста, надъ которымъ горные вѣтры большею частію проносятся только поверху, не касаясь дна, произведетъ здѣсь такой лихорадочный моръ, что сами горцы бросаютъ на лѣто такіа ямы, уходя на теплое время въ горы со своими стадами и только навѣдываются для работъ въ свои сады, не оставаясь въ нихъ долго. Они знаютъ, что достаточно и нѣсколькихъ дней пребыванія въ подобномъ мѣстѣ, чтобы непременно заболѣть, и потому съ удивленіемъ смотрятъ на русскихъ, которые, какъ-будто наперекоръ природѣ, еще строятъ въ такихъ мѣстахъ свои укрѣпленія. Образцомъ такихъ тлетворныхъ ямъ можетъ служить Преображенская котловина на Андійскомъ войсѣ, гдѣ невообразимо жестоко страдали мѣскіа вѣтля Шамилля, наши батальоны. Къ счастью, немногіа изъ такихъ котловинъ заняты нашими войсками, которыа одни только и страдают въ такомъ случаѣ, такъ какъ жители очень хорошо понимаютъ, что никакіа предохранительныа мѣры здѣсь не принесутъ пользы, и что остается одно средство: бросить эти бѣдога на все время развитія миазмы. Такъ они и дѣлаютъ — я не знаю лихорадожь. А русскіа, видя такой прѣмѣръ передъ глазами, все-таки добродушно приписываютъ все аклиматизаціи туземцевъ, увѣряя, что на природныа жителей миазма не дѣйствуетъ, и трудится, конечно, безплодно, надъ

исобръщеніемъ разныхъ произвѣдическихкихъ несообразностей, на-
блюдѣніемъ, порціонной воды съ хининомъ и тому подобнаго,
и, конечно, совершенно безрезультатно.⁴ (Стр. 53.)

Всѣ эти ущелья, долины, ямы, котловины и полукотловины,
по наблюденіямъ г. Горюнова, имѣютъ свои особенности отно-
сительно развитія лихорадочности, и авторъ доказываетъ, какъ
съ помощью вѣтра миазма переносится съ высотъ на низменно-
сти и обратно.

„Зная это — говоритъ онъ — мы безошибочно и съ прѣвзо-
вмлада опредѣляемъ степень лихорадочности каждаго горнаго мя-
ста, соображая лишь его высоту надъ моремъ и сѣвѣдкими вы-
шенностями, также высоту окружающихъ горъ, замкнутость мя-
ста, степень растительности и влажности и продолжительность
жаркаго времени. *Всѣ эти условія для образованія миазма на
мѣстѣ и она не можетъ быть наносима изъ окрестностей; по
мѣстность не лихорадочна, какъ бы жарка и низменна она ни
была. Наоборотъ возможность образованія миазма на мѣстѣ
или же открытій доступъ ея изъ окрестностей дѣлаютъ мѣсто
тѣмъ лихорадочнѣе, чѣмъ болѣе развиты эти условія.*“ (Стр. 55.)

Г. Горюновъ говоритъ, что такое положеніе распространяется
чуть не на всѣ роды миазмъ и что относительно холерическаго это
совершенно очевидно. За распространеніемъ холеры по Кавказу
изъ Персіи, откуда она всегда появляется, можно слѣдить по
картѣ съ величайшею точностію, и вы увидите, какъ она идетъ
по низовьямъ, а иногда забирается ущельями въ горныя долины,
всегда огибая горы и значительныя высоты. Авторъ приводитъ
примѣръ, что въ 1847 году, во время оады Салтовъ, лежа-
щихъ въ котловинѣ, появилась холера въ напихъ войскахъ, но
тотчасъ же прекратилась, какъ только войска перешли на сѣ-
вѣднія высоты (Турчидагъ), правда, лежащія тысячи на двѣ съ
половиною футовъ выше.

Чтобы судить, до какой тонкости и съ какими подробностями
авторъ преслѣдуетъ свою идею, мы приводимъ его заключеніе,
которымъ онъ оканчиваетъ обзоръ орографіи Кавказа:

„Здѣсь встаетъ будетъ припомнить одну особенность горныхъ
мѣстностей, съ перваго взгляда затемляющую ученіе о миазмѣ,
но на самомъ дѣлѣ весьма естественную. Известно, что миазма
приобрѣтаетъ наибольшую инфицирующую способность съ за-
хожденіемъ солнца, по мѣрѣ того, какъ миазматическія испаре-
нія, вмѣстѣ съ охлажденіемъ атмосферы, опускаются ниже и

сгущаются. Тысячи наблюдений доказываютъ, что дѣйствительно прежде всѣхъ заболѣваютъ люди, остающіеся ночью на высотѣхъ. Въ подгорныхъ мѣстностяхъ это тѣмъ болѣе замѣтно, что здѣсь дневной жаръ сдѣлается сравнительно весьма холодными ночами, при чемъ и мизматическія испаренія, поступающія въ это время, наибольшую степень густоты, а следовательно и заразительности. Между тѣмъ жители нѣкоторыхъ горныхъ котловинныхъ котловинъ (какъ, напримѣръ, Преображенской) и нѣкоторыхъ долинъ по опыту знаютъ, что самое безопасное время для работъ въ садахъ и чалтыкахъ (*) есть раннее утро; почему они и стараются всегда управиться со своими работами до восхода солнца и тогда удаляются на высоты въ свои стада, принимая такъ, чтобы наступленіе дневнаго солнца, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинающееся испареніе отъ земли не застали ихъ на низменности. Съ другой стороны, и совершенно противоположно этому, жители открытыхъ низменныхъ равнинъ считаютъ лучшимъ временемъ для работъ теплое время, отъ восхода до захода солнца. Всмотрѣваясь въ эти два противоположныя убѣжденія, нельзя не увидѣть, что тутъ не только нѣтъ противорѣчій, но что жители дѣйствительно до тонкости постигли, хотя и бессознательно, все то, чего доселѣ не сознаеть еще наука. Мѣстность горная, въ видѣ котловинъ, всегда имѣетъ рѣку и все-таки представляетъ чистый котелъ, на дно котораго опускается охлажденная миазма; но вмѣстѣ съ тѣмъ это котелъ съ большимъ враномъ, чрезъ который за ночь вытекаетъ большая часть собирающейся въ котловинѣ миазмы. Еще повторю, что всякая котловина даетъ выходъ своимъ водамъ, чрезъ какую-нибудь тѣснину или горное ущелье. Этотъ выходъ всегда занимаетъ самое низменное мѣсто всей котловинны, и отътого понятно, что миазма, опускаясь все ниже и ниже къ рѣкѣ, понашему уходитъ вмѣстѣ съ рѣкою чрезъ эту тѣснину или чрезъ дѣйствительную трещину въ стѣнкѣ котла, такъ что къ утру на днѣ котловинны остается наименьшее количество миазмы. Солнце же, начиная согрѣвать землю съ утра, развиваетъ новую миазму, и это-то всего губительнѣе въ садахъ и на поляхъ. Значитъ, горцы правы. Но столь же правы и жители равнинныхъ мѣстностей. Съ равной мѣткостью стоку нѣтъ, и миазма, сгущенная ночнымъ холодомъ, остается на мѣстѣ во всю ночь, миазма

(*) Чалтыкъ; а по кавказскому говору чалыкъ — рисовое поле.

солнце пригреть и разредить ее. Тогда она, разреженная, поднимается въ атмосферу и вредитъ, конечно, менѣ всего человеку въ тѣнныя теплаго времени сутокъ. Иако этого же слѣдуетъ, что житель низменности никогда не бываетъ свободенъ отъ вліянія миазмы, тогда надъ горами имѣеть возможность удалиться на особую высоту. Оттого-то горная мѣстность всегда здоровѣе низменной равнины, хотя бы соседняя подъ-часть и не заключала въ себѣ собственныхъ условій для развитія миазмы, которую въ такомъ случаѣ можетъ оддало получить изъ соседнихъ, болѣе возвышенныхъ, миазматическихъ мѣстностей, лежащихъ въ горахъ.“ (Стр. 58—59.)

Точно также подробно и съ такимъ же знаніемъ дѣла, авторъ описываетъ равнины и степи, составляющія $\frac{3}{4}$ сѣвернаго Кавказа и лишь нѣкоторую часть Закавказья. Съ особенной тщательностію обработанъ г. Торрповъ Муѳанскую степь, этою обильный разсадникъ лихорадокъ. Интересный приводитъ она фактъ, что окрестные жители находятъ спасеніе въ лѣтнихъ переконевкахъ, а лихорадкамъ подвергаются военнослужащія, особенно казаки, занимающіе тамъ посты по Араксу. Люди эти дѣйствительно иногда по восьми разъ въ лѣто ложатся въ лазареты, и между ними лѣтомъ нѣтъ здороваго человѣка, а прежде, чему есть еще очевидцы, случалось и такъ, что полки, приходящія въ числѣ 800 человѣкъ, на три года, возвращались на Домъ утратить три четверти состава. Здѣсь авторъ, дѣлая вынеску, говоритъ: „Чтобы показать, какъ сравнительно *теперь* мала смертность въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, скажу только, что казачій полкъ, въ 800 же человѣкъ, занимающій теперь ту же кордонную линію по Араксу отъ Ордубаза по всей персидской границѣ, за цѣлый 1863 годъ потерялъ умершими, вмѣстѣ съ убитыми, только *восемь* человѣкъ. Вотъ что дѣлаетъ климатъ, щедро употребленный, котораго и идти у насъ, конечно, много.“ (Стр. 64.)

Совершенно другой характеръ представляютъ равнины и степныя пространства по сю сторону Кавказа, бывъ ограждены холмами отъ бассейновъ Терона и Кубани. Здѣсь миазма, какъ уже мы оказали выше, гнѣдится только вдоль рѣчекъ и не большими болотами, лихорадки не такъ злокачественны и съ выходомъ людей на работы въ степь сами собою прекращаются. Разумѣется, и здѣсь есть мѣста низменныя, покрытыя камышами и болотами, гдѣ населеніе страдаетъ отъ лихорадокъ.

Авторъ указываетъ на Георгіевскъ и, упоминая, что нѣкогда смертность въ немъ была такъ велика, что онъ назывался могилой коллежскихъ ассесоровъ, дѣлаетъ слѣдующую выноску:

„Тогда Георгіевскъ значалъ для Кавказа то же, что теперь Тифлисъ, и всѣ плавиле сюда на службу чиновники въ III классъ получали чинъ коллежскаго ассесора въ награду за рѣшимость служить на страшномъ Кавказѣ. Ясно, какъ много было также искателей чина и какъ много ихъ здѣсь умирало, при тогдашнемъ неумѣннѣ обращаться съ лихорадками.“ (Стр. 70.)

Мѣсто, подчеркнутое нами, съ позволенія почтеннаго автора, мы назовемъ не совсѣмъ вѣрнымъ, и даже считаемъ обязанностію привести болѣе справедливыя причины упомянутаго названія могилы коллежскихъ ассесоровъ. Во-первыхъ, по нашему мнѣнію, Георгіевскъ никогда не имѣлъ для Кавказа значенія нынѣшняго Тифлиса. Тифлисъ всегда былъ столицею всей колоніи и мѣстопробываніемъ главнокомандующаго, а Георгіевскъ былъ областнымъ городомъ Кавказской области, каковымъ впослѣдствіи сдѣлался Ставрополь. Чиновникамъ давался чинъ коллежскаго ассесора не за рѣшимость служить на Кавказѣ, а вотъ по какому случаю. Въ прежнее время существовало постановленіе, что 8-й классъ пріобрѣтался лишь лицами, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или такими, которые могли выдержать установленный экзамень. Отъ экзамена, въ видѣ льготы, освобождались чиновники, поступавшіе на службу въ Сибирь или на Кавказъ, и въ Георгіевскѣ съвѣзались не исключительно чиновники 9-го класса или титулярные совѣтники, а разныхъ низшихъ чиновъ, и тамъ уже безпрепятственно достигали вожделеннаго чина коллежскаго ассесора. Въ наше время Георгіевскъ назывался *могилой титулярныхъ совѣтниковъ* потому, что многіе изъ этихъ бѣдниковъ и не доживали до 8-го класса. И дѣйствительно, мы сами видѣли въ Георгіевскѣ на кладбищѣ огромное количество могилныхъ плитъ съ извѣстными надписями, гласившими по преимуществу, что подъ симъ камнемъ лежитъ прахъ титулярнаго совѣтника такого-то. Коллежскихъ же ассесоровъ намъ удалось видѣть значительно менѣе. Нельзя при этомъ не упомянуть кстати, что на надгробныхъ камняхъ нѣрѣдко попадались цѣлыя формуляры. Но нигдѣ мы не видѣли такихъ курьезныхъ надписей, какъ въ Тифлисѣ. Впрочемъ, надобно сказать, что курьезы встрѣчаются преимущественно надъ могилами туземцевъ, со-

стоявших на государственной службе. Многие не поверить, но действительно на инакь памятль встрѣчается надпись, что такой-то не дослужилъ столько-то дней до слѣдующаго чина. На одномъ памятникѣ у монастыря св. Давида, гдѣ погребены и А. С. Грибоедовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣчалась надпись, состоявшая изъ формуляра, въ которой между прочимъ сказано, что покойникъ былъ въ такомъ-то оражаніи, *рашея въ щечку пулю.*

Но мы отвлелись отъ предмета, навольно подавшись личнымъ воспоминаніямъ.

Отдѣль орографіи заключается слѣдующими словами:

„Мы остановимся на минуту на томъ положеніи для пиретологіи, къ которому приводить изученіе кавказской орографіи. Мы замѣтили, что необычайная гористость дѣлаетъ то, что мѣста здоровыя здѣсь на каждомъ шагѣ мѣняются съ мѣстами крайне болѣзненными, лихорадочными. Къ первымъ принадлежатъ всѣ новыяція, всѣ вершины и склоны горъ и всѣ плоскости, лежація выше $4\frac{1}{2}$ —5,000 футовъ, или тѣ изъ низменностей, которыя не производятъ миазмы сами и не получаютъ ее изъ окрестностей; ко вторымъ же, т. е. болѣзненнымъ, принадлежатъ всѣ низменности, ямы, котловины и ущелья, гдѣ скоро онѣ производятъ миазму или сами, или какъ окрестныя мѣстности. Понятно, что и то и другое зависитъ отъ способности миазмы развиваться только тамъ, гдѣ тепло, сыро, зелено, и отъ свойства ея распространяться по законамъ тяжелыхъ газообразныхъ тѣлъ. Оттого великая мiasmатичность въ жаравъ, свободна отъ лихорадокъ, коль скоро она сама по себѣ не представляетъ хотя одно изъ трехъ условій, безъ которыхъ не развивается миазма, т. е. если недостаетъ или тепла, или сырости, или растительности, и куда затѣмъ нѣтъ еще и по свойству тѣмъ мѣсть, производящихъ миазму, съ которыми бы она могла или стекать сюда по своей тяжести, или замоститься въ ямы. Помня это, всегда можно сказать, при первомъ взглядѣ на всякую новую мѣстность, здорова она или нѣтъ, относительно лихорадокъ конечно. А это въ практическомъ отношеніи выводъ въ высшей степени важный, и нельзя не указывать настоятельно на важность, самостоятельность и чрезвычайную простоту этой пиретологической аксіомы, которую доселѣ не замѣчали, или не хотѣли замѣтить, можетъ быть потому только, что она очень проста.“ (Стр. 76—77.)

Въ отдѣлѣ, посвященномъ тибоніи (градъ, авторъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія, хотя, какъ намъ кажется, отдѣлъ этотъ могъ бы менѣе изобиловать учебными разсужденіями, а болѣе представить интересныхъ подробностей, которыя наводятъ насъ на каждомъ шагѣ просвѣщенному наблюдателю. Мы не ходимъ сказать, что въ этотъ отдѣлъ было очень сухо или, чтобы г. Тороповъ не оставленъ вѣрять себѣ въ преслѣдованіи своей спеціальной цѣли, т. е. лихорадокъ; но онъ имѣлъ подъ рукою слишкомъ много матеріаловъ, чтобы изъ этого отдѣла сдѣлать живую, занимательную главу, воспользовавшись такими предметами, какъ Баку или библейскій Араратъ; о которыхъ и упоминаетъ онъ въ своемъ описаніи. Впрочемъ, можетъ быть, авторъ разсчитывалъ, что отъ этого сочиненія потеряло бы ученый характеръ и могло подвергнуться нареканіямъ со стороны специалистовъ. За то г. Тороповъ нигдѣ не измѣняетъ себѣ и опредѣляетъ лихорадочность каждой болѣе или менѣе извѣстной мѣстности. Въ такихъ случаяхъ онъ не спешитъ на подробности. Напримѣръ:

„Въ близлежащихъ къ Петровск. горахъ сѣвернаго Дагестана есть одно гнѣздо лихорадокъ большаго размѣровъ. Это *Темуръ-Ханъ-Шура*, административный центръ всей Дагестанской области. Нельзя было найти во всемъ этомъ край мѣста для населенія войскъ болѣе невыгодно въ гигиеническомъ отношеніи, какъ шуринаская гма. Конечно, на то были свои военныя надобности въ прошлое время; однако, теперь, когда эти надобности прошли, населенію отъ того нисколько не стало легче, и оно всегда будетъ вѣрно оплачиваться своимъ здоровьемъ за минувшія стратегическія надобности.“ (Стр. 99.)

И авторъ указываетъ тутъ же въ 12 верстахъ на другое урочище, *Ишорты*, штабъ-квартиру Апшеронскаго полка, чрезвычайно здоровое, куда и начали перевозить больныхъ хроническими лихорадками, которыя излечиваются тамошнимъ воздухомъ.

Интересенъ фактъ, что между Буйнакомъ и Дербентомъ есть, близъ деревни Каянто, превосходныя минеральныя воды (составъ ихъ приведенъ авторомъ на стр. 100—101), и минеральныя грязи, но пользоваться ими нельзя, по причинѣ крайней лихорадочности мѣста, удушливаго зноя и огромнаго количества комаровъ.

Авторъ замѣчаетъ, что лихорадка не имѣетъ отношенія къ

глинѣ, а слѣдуетъ преимущественно за черноземомъ. Между тѣмъ, отъ Хоздринской станціи на югъ хотя черноземъ и встречается и почва состоитъ исключительно изъ песка и глинны и по недостатку влаги ничего не производитъ, однако жидкорядки здѣсь чрезвычайно сильны, такъ какъ на эту узкую полосу сносится миазма съ цѣлаго Кубинскаго уѣзда.

„За то—продолжаетъ авторъ—еще далѣе на югъ, на горномъ перевалѣ, составляющемъ окончаніе главнаго хребта, жидкорядки составляютъ великую рѣдкость, такъ же, какъ и на всахъ Апшеронскомъ полуостровѣ, хотя сложеніе почвы здѣсь то же, какъ и въ южномъ Дагестанѣ. Высоты, обступившія Баку, всѣ скалы надъ нимъ и подъ нимъ состоятъ изъ того же известняка или изъ песчаника и пестраго глинистаго мергеля, пропускающихъ здѣсь чрезъ свои расщелины нефтяныя источники, принося сальзы и горючій газъ для вѣчнаго огня въ каминѣ *огнепоклонниковъ*. Всѣ эти явленія указываютъ на ту живую вулканическую дѣятельность, которая идетъ еще доселѣ подъ здѣшней почвою. Выдѣленіе горючихъ газовъ, состоящихъ изъ различныхъ соединеній углерода съ водородомъ, происходитъ здѣсь въ такомъ обиліи, что, на примѣръ, близъ селенія Сураханъ, въ 14 верстахъ отъ Баку, на такъ называемыхъ *большихъ огняхъ*, *идь дожигаютъ свой вѣкъ нѣсколько огнепоклонниковъ*, сжиганіе горючаго газа и сила пламени его такъ велики, что въ устроенномъ здѣсь заводѣ имъ воспользовались для выдѣлки стекла, для выжиганія извести и кирпича, для освѣщенія и отопления и проч.“ (Стр. 104.)

Въ приведенномъ отрывкѣ я подчеркнулъ нарочно мѣста, которыя могутъ привлечь вниманіе многихъ изъ любителей чужеземныхъ читателей, какъ спеціалистовъ, такъ и неспеціалистовъ. Слова *вѣчные огни* и *огнепоклонники*, да еще *дожигаютъ свой вѣкъ*, не могутъ не заинтересовать каждаго и не возбудить невольнаго вопроса: что же это такое? Коротенькое описаніе нисколько не помѣшало бы ученому характеру книги, тѣмъ болѣе, что авторъ сообщаетъ же иногда подробности, и не прямо относящіяся къ предмету. Не помню гдѣ, но я читалъ описаніе бакинскихъ вѣчныхъ огней довольно обстоятельное, а самъ видѣлъ ихъ много лѣтъ назадъ, и потому не берусь теперь говорить о нихъ: можетъ быть, тамъ уже произошли значительныя перемѣны.

Упомянувъ о городѣ Елисаветполѣ какъ о мѣстѣ въ высшей степени лихорадочномъ, г. Тороповъ прибавляетъ:

„На Елисаветполѣ, и притомъ на одномъ только городѣ, кромѣ лихорадокъ, лежитъ еще своего рода проказа, извѣстная здѣсь подъ мѣстнымъ названіемъ „годовикъ“, потому что продолжается около года. *Къ сожалѣнію*, доселѣ не сдѣлано никакого описанія этого пораженія кожи, которое, кажется, скорѣе всего можно принять за bouton d'Alep. Отвратительные шрамы, чаще всего на лицѣ или рукахъ, остаются у больныхъ годовикомъ на всю жизнь. Я не имѣю свѣдѣній о томъ, чтобы эта болѣзнь встрѣчалась еще гдѣ-либо на Кавказѣ, тогда какъ въ Елисаветполѣ она очень обыкновенна и ею испятнана большая часть населенія.“ (Стр. 110.)

Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что такая рѣдкая и въ мѣстѣ важная болѣзнь, свойственная извѣстной мѣстности, не возбудила любознательнаго любопытства ни въ одномъ медикѣ, служившемъ или служащемъ въ Елисаветполѣ. Кромѣ этого послѣдняго города, „годовикъ“ появляется порою въ Эривани и Нахичевани и уступаетъ только леченію мѣстными травами, а какими сказать не умѣю. Мнѣ кажется, что ничего не было бы легче, какъ изслѣдовать и описать подобную болѣзнь. Я оставляю однако на отвѣтственности г. Торопова заявленіе, что „годовикъ“ никѣмъ не описанъ, ибо я не столько знакомъ съ медицинской литературой, чтобы утверждать подобный фактъ положительно, но не могу не признать, что если дѣйствительно нѣтъ подобнаго описанія, то это небрежность весьма странная, чтобы не сказать болѣе.

Изъ нѣсколькихъ словъ о Елисаветполѣ, древней Ганжѣ, славящейся винодѣліемъ, шелководствомъ, разведеніемъ индиго, мы узнаемъ только, что онъ очень лихорадоченъ. Я полагалъ бы, что г. Тороповъ, какъ любознательный человѣкъ, бывшій на мѣстѣ, могъ бы хотя вскользь познакомить читателя со всѣмъ интереснымъ и замѣчательнымъ.

А, между тѣмъ книга читается съ возрастающимъ интересомъ. Такъ, напримѣръ, весьма полонъ гидрографическій отдѣлъ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ всѣ кавказскія воды, разумѣется въ пиретологическомъ отношеніи. Здѣсь однакожъ онъ отступилъ немного отъ своей задачи, за что, впрочемъ, на него никто и не посягаетъ, а именно занялся нѣсколько подро-

нѣе минеральными водами, которымъ сдѣлать подробное перечисленіе.

Съ особенной любовію и мастерски описаны Имеретія, Мингретія и берега Чернаго моря: видно, что автору эти мѣстности весьма знакомы.

Исходя отъ той точки, что лихорадочная міазма гнѣздится въ болотной почвѣ, авторъ дѣлаетъ весьма основательныя и справедливыя замѣчанія. Описывая Тагры, какъ мѣстность здоровую, онъ встрѣтилъ однакожъ и тамъ лихорадки въ значительной степени, особенно между людьми, живущими въ укрѣпленія, подъ баталіонными огородами.

„Мое неодолимое убѣжденіе — говорить онъ — въ непремѣнномъ существованіи и здѣсь какого-нибудь источника міазмы повело меня за укрѣпленіе, на огороды, и что же оказалось? И тутъ самъ же человѣкъ изгадилъ себѣ дѣло своего здоровья! Канавки, очевидно прорытыя для напуска воды на огороды, засорились, разлились и образовали много маленькихъ, вонючихъ донельзя болотъ, изъ которыхъ высорывались кучи гнющаго навоза. Ну не варварство ли это? Положимъ, солдатъ простъ, не понимаетъ, какъ это дурно; но вѣдь есть же тамъ люди, понимающіе дѣло и имущіе власть распорядиться. Къ чему же это *rag niente* съ ихъ стороны, когда все дѣло потребовало бы только 10 человѣкъ рабочихъ съ лопатами да одно утро времени на всю работу? Это ужъ не невниманіе, а почти посягательство на здоровье ближняго.“ (Стр. 165.)

Въ прежнее время, въ укрѣпленіяхъ береговой черноморской линіи считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ, если вымирало болѣе десятой части всего гарнизона, а были и такія укрѣпленія, гдѣ составъ гарнизона перемѣнялся, т. е. вымиралъ, въ теченіе 3—4 лѣтъ!

На страницѣ 175 мы находимъ у г. Торопова интересное замѣчаніе, что если матросы заболѣваютъ лихорадкою въ морѣ, то непременно они захватили міазму гдѣ-нибудь на береговой мѣстности, отличающейся лихорадочностію.

Чрезвычайно грустно читать описаніе равнинъ, занятыхъ кубанскими и отчасти терскими казаками, которые запрягаютъ рѣчки возлѣ станицъ.

„Трудно вообразить — говоритъ авторъ — до какой степени казаки портятъ себѣ дѣло своего здоровья запрудами этихъ рѣчекъ. Представьте порядочную станицу, по которой тихо идетъ

неширокая, всегда почти мутная рѣчка съ илгистымъ дномъ и низкими берегами. Мѣстахъ въ 10, 15, а то и больше, эта рѣченка запружена навозомъ, и на этихъ запрудахъ устроены мельницы, изъ которыхъ, по маловодью, дѣйствуютъ лишь немногія; между тѣмъ, каждая запруда удерживаетъ около себя воду, которая, разливаясь по отлогимъ и топкимъ берегамъ, поросшимъ непременно камышемъ, осокою и другими болотными растеніями, представляетъ всегда стоячее и вонючее болото, заражающее воздухъ миазмой. Вода же, просачиваясь постоянно чрезъ навозныя плотины, растворяетъ много органическихъ частицъ, портится, воняетъ, разводитъ міриады гадовъ и невидимыхъ животныхъ, гниетъ и становится отвратительною для питья. Значить, жители станицы и воздухомъ дышать постоянно зараженнымъ, и воду пьютъ зараженную же. Какъ же имъ послѣ того быть здоровыми? Тѣмъ болѣе, что при этомъ еще, по крайней бѣдности, и ѣдятъ-то очень плохо, и службу несутъ тяжелую. Не лучше ли же было бы уничтожить эти зловердныя мельницы водяныя, и устроить вѣтряныя, какъ и дѣлаютъ это во многихъ мѣстахъ казаки же на Терекѣ и въ степяхъ прикубанскихъ? Войсковому начальству непростительно оставаться равнодушнымъ къ такому вопіющему злу. Но хуже всего то, что во многихъ, даже очень многихъ станицахъ и помимо мельницъ рѣчки нерѣдко запруживаются навозомъ, которому, по лѣни и небрежности, не найдутъ другаго мѣста, какъ валить въ рѣчку, и начальство на это не обращаетъ никакого вниманія, какъ будто такъ и быть должно. Для примѣра назовемъ хотя станицу Раевскую, надъ которою въ рѣчкѣ вода застаивалась, отзывалась гнилью и имѣла гибельное вліяніе не только на людей, но и на животныхъ, падавшихъ въ большомъ числѣ. Но какъ только рѣчка была очищена, тотчасъ же уменьшилась болѣзненность между людьми и прекратились скотскіе падежи. (Стр. 188—189.)

Самыя вредныя вмѣстелища миазмы въ Закавказьѣ, по мнѣнію автора, составляютъ *чалыки* (рисовыя поля), требующія постоянной сырости, такъ что рисъ всегда окруженъ болотомъ, среди котораго кишатъ всевозможныя гады. Для устранения этого неудобства, г. Тороповъ предлагаетъ одно, какъ намъ кажется, весьма рациональное средство, именно замѣну кавказскаго риса, требующаго постоянной мокроты, другимъ сортомъ, распространяющимся въ Италіи, который рас-

тотъ не пить водѣ. Конечно, индивидуальное подобающее предпріятіе принадлежит обществу съснанаго хозяйства.

При описаніи роднивовъ, авторъ дѣлаетъ одно очень важное замѣчаніе; съ которымъ весьма не мѣшаетъ ознакомиться нашимъ читателямъ.

„Многіе военные начальники—говорить онъ—до сихъ поръ сохраняютъ неосновательное убѣжденіе, раадѣляемое даже нерѣдко медиками, что солдату *на походѣ нельзя давать пить холодную воду*. Тамъ, гдѣ слѣдуютъ этому правилу, вездѣ болше и отсталыхъ и заболѣвающихъ, особенно пневмоніями. Понятно, что жаръ и постоянный потъ, одолѣвающие солдата подъ пудовою тягестію, которую онъ тащить на себѣ, походомъ, требуютъ непременно холоднаго питья, какъ уменьшающаго жаръ въ тѣлѣ и пополняющаго убыль воды. Поэтому, если не даютъ пить солдату, то онъ изнемогаетъ скорѣе, употребляетъ чрезмерныя усилія, чтобы подвигаться далѣе, и скоро выбивается изъ силъ окончательно; у многихъ же какъ-то просто заливаетъ легкія кровью.“ Пропускаемъ нѣсколько примѣровъ и начинаемъ опять словами автора: „Мнѣ много доводилось дѣлать походъ по горамъ и по низменностямъ; но я всегда заключалъ только одно, что лѣтомъ, когда много воды, то и при форсированномъ маршѣ люди почти не болѣютъ вовсе. Но коль скоро воды нѣтъ дорогою, то плохо: вездѣ много и заболѣвающихъ и отсталыхъ. *Много болемыхъ и тала, здѣ людямъ не даютъ пить по ложному убѣжденію*. Понятно, что, придя на мѣсто, солдатъ, съ запершимся отъ жару ртомъ, первымъ долгомъ бросается къ водѣ, удовлетворяетъ эту весьма естественную потребность и, такъ какъ идти ему уже не приходится, охлаждается вдругъ вдвойнѣ, водою и вечернимъ воздухомъ, а отсюда воспаленіе легкихъ и тому подобныя неприятности. Стало быть, нужь если нужна въ этомъ отношеніи опека надъ солдатомъ, то развѣ въ томъ только, чтобы заставить его на походѣ пить почаще: тогда онъ не накинется на воду такъ жадно по приходѣ на мѣсто. Но такъ какъ солдатъ, утомленный трудными походами, бываетъ злобно равнодушенъ къ себѣ, до того, что никакіе совѣты и убѣжденія не дѣйствуютъ на него, то на безводныхъ переходахъ всегда оказывалось полезнымъ дѣлать привалы, не доходя до воды на нѣсколько сотъ шаговъ, и потомъ уже, когда люди остынутъ, передаваться къ водѣ. Эта мѣра оказалась весьма практичною, и тамъ, гдѣ ей слѣдо-

вали, всегда заболѣвающимъ походомъ бывало сильнее, нежели при противныхъ условіяхъ.“ (Стр. 218—219.)

Послѣдовательно также описываетъ авторъ и климатъ различныхъ мѣстностей и приходитъ къ тому заключенію, что для человѣка вообще и переселенца въ особенности „главнѣйшій климатъ чрезвычайно здоровъ и чрезвычайно вреденъ, въ то же время, смотря по мѣсту“. Главнѣйшее зло—это болотистость почвы, развивающей заразу, и гдѣ нѣтъ этого условія, тамъ человѣкъ живетъ привольно. Болотная же миазма дѣлаетъ неотразимое вліяніе на всякую болѣзнь, и отъ мѣстнаго врача требуется умѣнье обращаться съ хининомъ, который единъ служить надежнымъ и вѣрнымъ противодействіемъ. Но въ замѣчаніе авторъ говорить:

„Съ другой стороны, болотная миазма дѣлаетъ намъ и пользу. Именно ей мы обязаны тѣмъ, что здѣсь такую рѣдкость составляетъ бугорчатая чахотка, а можетъ быть оттого же рѣдки тифъ и ранъ, все такія болѣзни, какія на много процентовъ увеличиваютъ смертность между живущими въ Россіи (?), въ климатахъ прохладнѣе того, какой мы находимъ въ мѣстахъ наиболѣе лихорадочныхъ у насъ на Кавказѣ.“ (Стр. 312.)

Чрезвычайно интересную главу составляетъ описаніе растительности, которое каждый любознательный человѣкъ прочтетъ съ удовольствіемъ отъ первой до послѣдней страницы. Здѣсь можно было бы сдѣлать множество весьма занимательныхъ выписокъ; но такъ какъ статья наша и безъ того уже вышла больше, нежели мы предполагали, то мы воспользуемся только однимъ замѣчаніемъ автора, которое, впрочемъ, оставляемъ на его отвѣтственности. Описывая растительность Имеретіи, г. Тороповъ приводитъ примѣръ, какъ лихорадочность одного мѣста уменьшилась въ теченіе 40 лѣтъ, и прибавляетъ:

„Нужно ли говорить, что не климатъ перемѣнился, а явилось умѣнье управлять съ болѣзнію, которая теперь и не губитъ человѣка. Но не станетъ хинина, т. е. какъ истребятся хинныя деревья въ Америкѣ, опять будетъ плохо. Поэтому не время развѣ теперь подумать о разведеніи хинныхъ лѣсовъ? И когда я гляжу на здѣшнюю богатую растительность, на окрестныя горы, покрытыя сплошными лѣсами, на разнообразіе здѣшней почвы, не перестаетъ меня преслѣдовать мысль, что быть же не можетъ, чтобы на горныхъ склонахъ этого дикаго края не нашлось условій, нужныхъ для произрастенія хиннаго дерева.“

На высшихъ горахъ острова Кубы и въ ангайской Индіи на-
шлись два эти условія, и индиконъ тамъ принадесть такъ хорошо,
что кора ея въ Индіи на другой годъ даде уже 2½ процента
хинина, а на Кубѣ чрезъ 8 лѣтъ добыто его 4%. При этомъ
не нужно забывать, что на островѣ Кубѣ индиконъ деревья по-
сажены на высотѣ 4,500 футовъ; *стало бытъ, весьма вероятно,
что подлѣзая къ этому климатическія условія мы найдемъ и у
себя. Право, стоить объ этомъ подумать.*“ (Стр. 325.)

Главными вивѣсками, обогащающими лихорадочность мѣст-
ностей, служатъ, по наблюденіямъ автора, слѣдующія растенія:
камышъ, дикая бузина (Zambucus ebulus), орлякъ (Pietris aquilina),
виноградъ и въ особенности *рисъ* (последнее названо имъ даже
всегдашнимъ указателемъ лихорадочности), *марена (Rubia tinetu-*
gum), шаловичиное дерево.

Въ заключеніе книги, авторъ представляетъ циретологическое
описаніе Тивалиса, этой древней столицы Грузіи, и надо отдать
ему полную справедливость за вполне художественное описа-
ніе. Хотя авторъ и не выходитъ изъ своей обычной колеи и
занимается собственно лихорадками, однако въ все-таки знако-
мится съ городомъ, составляющимъ красу нашего Закавказья.

Книга г. Торшнова, какъ первая попытка въ своемъ родѣ,
заслуживаетъ полного вниманія, и дай Богъ, чтобы его дрифтѣры
вызывалъ побольше покрамателей. Если у насъ будетъ хотя
немножко сочиненій, подобныхъ „Опыту медицинской географіи
Кавказа“, то можно смѣло сказать, что значительно умень-
шится смертность между жителями вообще, а между нашими
войсками въ особенности.

Въ слѣдующій разъ мы поговоримъ съ читателями о ру-
ководствѣ къ изученію медицинской географіи и статистики
Будена, изданномъ въ русскомъ переводѣ военно-медицинскимъ
департаментомъ.

Ч.

Значеніе кавалеріи въ новѣйшее время, ея организація,
употребленіе и дѣйствія. Подробный разборъ кавалерійскихъ дѣй-
ствій въ послѣднемъ столѣтіи, особенно во время крымской кам-
паніи 1853—1856 годовъ и послѣдней итальянской 1859 года.
Соч. подполковника генералштаба Мг. Переводъ съ нѣмецкаго
Г. Д. Корибутъ-Кубитовича. С.-Петербургъ. 1865.

Вотъ что прочли мы на оберткѣ небольшой книжки, по-
явившейся недавно въ окнахъ книжныхъ магазиновъ. Заглавіе

заманчивое: вопросъ о значеніи кавалеріи и роли, какую ей придется играть въ будущиxъ сраженіяхъ—вопросъ спорный, и тутъ еще „подробный разборъ“ недавнихъ кампаній; да еще и переводъ съ нѣмецкаго!

Не то, чтобы мы считали и вѣщевъ, хотя бы и подполковниковъ нѣмецкаго генеральнаго штаба, особенными авторитетами въ дѣлѣ кавалеріи, но вѣдь невольно рождается мысль, что книга, вѣроятно, выходящая изъ ряда, если удостоится чести быть переведенною на другой языкъ.

По всей вѣроятности, нѣмецкій трактатъ о кавалеріи показался г. Корнубутъ-Кубитовичу очень дѣльнымъ и очень поучительнымъ для русской кавалеріи, если онъ принесъ свое время и свои труды на жертву г. Мг.

Мы и не ошиблись: переводчикъ, въ своемъ предисловіи, ставитъ свой подлинникъ на „одно изъ видныхъ мѣстъ“ между сочиненіями о кавалеріи. Онъ говоритъ, что „мысль автора о кавалеріи совершенно вѣрна“, что, несмотря на увлеченія и противорѣчія, „основная идея остается та же, т. е. *кавалерія не утратила своего значенія*“. Впрочемъ, самую замѣчательную частію сочиненія переводчикъ считаетъ не изслѣдованіе вопроса о значеніи и организаціи кавалеріи, что должно было бы занимать первое мѣсто, а историческую часть, т. е. разборъ „дѣйствій кавалеріи въ войскахъ (вѣроятно, въ войскахъ) послѣдняго столѣтія“, что должно было бы служить только данными для рѣшенія главнаго вопроса.

Но обратимся къ переводу. Нѣмцы, какъ извѣстно, систематики: дѣло, кажется, и простое и несложное, а начнешь говорить о немъ нѣмецъ и сейчасъ подведетъ разныя категоріи, отдѣлы, подраздѣленія, попридумаетъ разныхъ, болѣе или менѣе туманныхъ, терминовъ, пояснить ихъ не менѣе туманнымъ образомъ, и понимай какъ знаешь.... Остановимся на славянскій предлежащей книжки: всѣхъ главъ *одинадцать*, а параграфовъ *сорокъ*, и все это на *двѣсти-двухъ страницкахъ* рагонистой печати въ 12-ю д. л. Тутъ или сжатость изложенія, или поверинность изслѣдованій, или просто нѣмецкая слабость къ пунктивамъ.... Въ самомъ дѣлѣ: что можно сказать въ девятнадцати строчкахъ о войнѣ въ Испаніи? Можно ли также назвать *подробнымъ* описаніе войны 1819 года на четырехъ страницкахъ, особенно сравнительно съ крымскою кампаніею?

ней, где, например, одно балластное дело занимает 19 страниц.

Параграфы иногда носят тот же заголовок, что и главы, и это одно уже доказывает их ненужность. Автор как будто не может примириться с мыслью, чтобы глава могла обойтись без подразделений, и вот он придумывает новые заголовки. Глава II заключает в себя всего один параграф. Казалось бы, довольно и одной рубрики — ивтъ: глава сама по себѣ, а параграф сам по себѣ. Глава общает вести рѣчь „объ употребленіи кавалеріи въ соединеніи съ другими родами оружія...“, а параграф „считаетъ нужнымъ добавить къ этому еще нѣкоторыя замѣчанія“, на томъ только основаніи, что „въ предъидущихъ параграфахъ объ употребленіи кавалеріи въ настоящее время упомянуто было только въ общихъ чертахъ“.

Казалось бы, что при такомъ обилии всякихъ подразделеній нельзя обвинить автора въ недостаткѣ систематичности; но именно обилие и спутало его, спутало и переводчика, да и мы, признаемся, не сразу поняли искомую основную мысль и только собравъ изъ разныхъ главъ сходственныя или противорѣчивыя идеи увидали въ чемъ дѣло.

Такъ, по поводу вопроса объ условіяхъ успѣха кавалерійской атаки мы должны были гоняться за авторомъ изъ главы въ главу, пока наконецъ собрали воедино всѣ обрывки. Три условія мы нашли въ главѣ 1-й (стр. 2); восемь условій въ главѣ 10-й (стр. 165); два на стр. 171; четыре на стр. 177; три на стр. 194. Откидывая повторенія, мы составили такой перечень: 1) смѣлость и рѣшительность всадника; 2) строгая дисциплина; 3) умѣнье владѣть конемъ; 4) умѣнье владѣть оружіемъ; 5) быстрота, вѣрная, хорошо выѣзженная лошадь; 6) быстрота построений; 7) смелость и быстрота движеній; 8) умѣнье выбрать моментъ и пункты атаки; 9) глазомѣръ, чтобы не поднятъ въ карьеръ слишкомъ рано или слишкомъ поздно; 10) стремительность и рѣшительность атаки; 11) соответствующее скучаю построение; 12) воинственные крики; 13) нравственное состояніе конригельскихъ войскъ и составъ ихъ.

Вотъ данныя, влияющія на успѣхъ кавалерійской атаки; но невольте же отыскать все это въ разныхъ мѣстахъ книги и свести въ одно общее! Оказывается, что у автора система су-

ществомъ, только въ ограниченнѣмъ, а уже не въ духе такой системы, когда пониманіе возможно только съ особыми указа- телями!

Не мудро послѣ этого, что рубрики не соответствуютъ содержанию, и вы, читатель, не должны обманывать себя ожиданіемъ узнать о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ *нѣмецкой* кавалеріи въ періодъ времени 1792 — 1800 годовъ, если остано- витесь на этой рубрицѣ: изъ четырнадцати пунктовъ только семь говорятъ о дѣйствіяхъ *нѣмецкой* кавалеріи, затѣмъ три говорятъ о дѣйствіяхъ *французской*, а четыре вообще о ка- кихъ дѣйствіяхъ не говорятъ.

Систематизмъ автора рекомендуется лучше всего имъ же самимъ: онъ, подъ конецъ, самъ запутался и не былъ въ со- стояніи дать себѣ яснаго отчета о чемъ уже говорилъ, о чемъ нѣтъ.... Такъ, на стр. 163, глава десятая начинается слѣдую- щими словами: „Мы до сихъ поръ разсматривали дѣйствія ка- валеріи (начиная съ половины прошлаго столѣтія до нашего времени), организацию и средства къ улучшенію ея въ настоя- щее время....“

Представьте же себѣ, г. авторъ, что именно *до сихъ поръ* вы и не сказали ни слова *о средствахъ къ улучшенію* и скажете о нихъ только на стр. 194 и 195!...

Кромѣ того мы встрѣтили множество неточныхъ выраженій, часть которыхъ можетъ, въ равной степени, принадлежать и автору и переводчику, и множество противорѣчій, что прямо обличаетъ въ авторѣ не вполне ясное пониманіе дѣла и от- сутствіе въ немъ собственного мнѣнія. Мы не будемъ перечис- лять всѣ замѣченные нами промахи, а возьмемъ на выдержку лишь нѣсколько изъ наиболее яркихъ.

На стр. 154, говоря о томъ, что резервную кавалерію мож- но, во время переходовъ и въ сраженіяхъ, раздѣлять на болѣе мелкія части, авторъ прибавляетъ:

„Такое раздробленіе представляетъ болѣе удобствъ, нежели стягиваніе полковъ ко дню сраженія, потому что нужно, чтобы люди привыкли къ своему главному начальнику.“

Выходитъ, что *отъ раздробленія* люди болѣе привыкаютъ къ главному начальнику, чѣмъ отъ стягиванія!

На стр. 165: „какъ при огнестрѣльномъ дѣйствіи, количе- ство выпущенныхъ выстрѣловъ въ непріятеля и *мѣстности* *изъ* (?) *служать* главнымъ ручательствомъ успѣха....“

Неясности встрѣчаются и въ примѣчаніяхъ переводчика. На стр. 169 говорится:

„Кавалерія никогда не бываетъ такъ слаба, какъ послѣ удачной атаки; но *тутъ-то* и должна быть поддержка. Въ нашемъ уставѣ *продолженіе гораздо основательнѣе.*“

Кстати, кому принадлежитъ примѣчаніе къ стр. 10-й—автору или переводчику? Это примѣчаніе окончательно затемняетъ смыслъ и безъ того неясно разсказаннаго цоридорскаго сраженія. Въ текстѣ сказано, что русская пѣхота была атакована двумя полками тяжелой кавалеріи; въ примѣчаніи же это *по-ясняется* такъ:

„Русская пѣхота, какъ мы (значитъ, авторъ) выше сказали, была атакована двумя полками тяжелой кавалеріи, потомъ Фридрихъ II послалъ на подрывленіе *ея* (русской пѣхоты?) 15 эскадроновъ праваго крыла, которые *вѣзались въ нашу тѣлоту* (въ прусскую?).... но не могли окончательно разстроить сомкнутаго пѣхотнаго строя: русская пѣхота, дѣлая чудеса храбрости, отступаетъ въ порядкѣ.... *наша* (русская или прусская?) пѣхота, окруженная со всѣхъ сторонъ кавалеріей и разстроенная артиллерійскимъ огнемъ, начала отступать въ совершенномъ безпорядкѣ за Гальгрудъ“.

Извольте же теперь догадаться, кто кого побилъ?

Укажемъ теперь нѣсколько противорѣчій:

Стр. 136: „Вслѣдствіе этой (итальянской 1859 г.) кампаніи... пришли къ сознанию, что кавалерія не предстоить болѣе разыгрывать прежней роли, а *кирасиры даже совершенно не нужны.*“

На стр. 150, предлагая свою организацію, авторъ совѣтуетъ изъ числа 172 эскадроновъ положить:

„40 эскадроновъ на тяжелую кавалерію, 33 на среднюю и 100 на легкую.“

Вотъ вамъ и *кирасиры не нужны!*

На стр. 148 сказано, что „отношеніе *ея* (тяжелой кавалеріи) къ легкой должно быть какъ 1 : 3“.

Относительно дѣйствія массами авторъ не знаетъ на чемъ остановиться: то рекомендуетъ массы (стр. 13 и 142), то отдаетъ предпочтеніе раздробленію (стр. 18 и 154).

На стр. 172, говоря объ атакѣ во флангъ, авторъ не совѣтуетъ придавать къ кавалеріи артиллерію, которая, по его словамъ, „можетъ задержать кавалерію при ея быстромъ движеніи, а вторыхъ артиллерійскій огонь можетъ преждевременно раскрыть цѣль и избранный пунктъ атаки“.

Черезъ семь строкъ говорится совершенно противное:

„Но прежде имъ будетъ приступлено къ атакъ на авансъ неприятеля, необходимо надо разстроить его дѣйствіями другихъ родовъ оружія, особенно огнемъ артиллеріи.“

На стр. 180 сказано: „Конныя батареи не должны дѣйствовать преждевременно на пунктъ, предполагаемый для атаки, чтобы не дать возможности неприятелю угадать, на какой пунктъ направлена будетъ атака“.

На стр. 196, при атакъ на каре шахматнаго порядка, авторъ совѣтуетъ: „разстроить ряды пѣхотныхъ каре артиллерійскимъ огнемъ и пустить нѣсколько эскадроновъ на каре разсыпною атакою, чтобы сосредоточить на нихъ огонь“.

На кого это *на нихъ*? на каре или на эскадроны? На каре нельзя, потому что будешь бить и въ свою кавалерію; заботиться же о сосредоточеніи неприятельскаго огня на свои, да еще атакующія войска—неразумно! Наконецъ, авторъ забылъ что имъ сказано на стр. 192 относительно безуспѣшности линейныхъ атакъ на пѣхоту; „потому что слишкомъ малое число всадниковъ находится въ глубинѣ“. Если результатомъ такихъ соображеній явился совѣтъ прибѣгать къ колоннамъ и постепеннымъ атакамъ, то путемъ какихъ мысленій авторъ дошелъ до разсыпной атаки на тѣ же несокрушимыя каре?

Вопросъ о значеніи кавалеріи тѣсно связанъ съ вопросомъ о вліяніи усовершенствованій огнестрѣльнаго оружія на тактику войскъ и на величину урона въ кавалеріи, атакующей пѣхоту и артиллерію. Казалось бы проще всего: сравнить величину урона кавалеріи въ нѣсколькихъ сраженіяхъ разныхъ эпохъ съ урономъ въ сраженіяхъ восточной войны и итальянской кампаніи: такимъ образомъ половина вопроса о значеніи кавалеріи была бы рѣшена *a posteriori*; затѣмъ зависимость способа дѣйствій кавалеріи отъ измѣненія въ тактикѣ войскъ нетрудно было бы вывести *a priori*, основываясь все-таки на данныхъ послѣднихъ войнъ. Намъ кажется, что другаго болѣе рациональнаго способа и быть не можетъ: изъ задачи вытекаетъ и способъ ея рѣшенія. Такой методъ держались и мы въ своихъ изслѣдованіяхъ по этому же вопросу (*); авторъ же разбираемой книги держится другой методы — у него нѣтъ никакой.

Такъ, напримѣръ, относительно урона кавалеріи въ передѣлахъ съ пѣхотою авторъ не даетъ никакого вывода, не подбираетъ даже фактовъ, а отдѣлывается одними общими, сте-

(*) „Кавалерійскіе вопросы“. „Военный Сборникъ“, 1865 г., № 2-й, 3-й и 4-й.

реальными фактами въ родѣ того, что кавалерія прежде терпѣла въ атакахъ несравненно меньшій уронъ“. (Стр. 3.)

За бездоказательнымъ выраженіемъ „несравненно“ нельзя не остановиться на другой еще болѣе бездоказательной фразѣ: „*положимъ* можно сказать, что кавалерія теперь, при своихъ атакахъ, встрѣчаетъ болѣе затрудненій и *несетъ болѣе потерь, нежели прежде*“. (Стр. 183.)

Впрочемъ, если авторъ не приводитъ цифръ урона, то, для пополненія пробѣла и какъ будто для поддержанія своего мнѣнія, вездѣ разстрѣливаетъ кавалерію самымъ убійственнымъ огнемъ. Такъ при Аспернѣ (стр. 32) австрійская пѣхота, подпустивъ французскихъ кирасировъ, каждый разъ „на 10 шаговъ открывала по нимъ *убійственный* огонь“. Подъ Бадаклявою (стр. 66) одна англійская рота „открыла *убійственный* огонь по русской кавалеріи, подпустивъ ее на 100 шаговъ“. При Дженестрелло (стр. 129) австрійская пѣхота „подпускала пьемонтцевъ на близкое разстояніе и тогда открывала по нимъ *убійтельный* огонь“. У Кавріано (стр. 136) „австрійцы были опрокинуты французами на каре стрѣлковаго баталіона, который, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, открылъ по нимъ *убійственный* огонь“.

Ни въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ авторъ не приводитъ цифры урона, а потому мы считаемъ всѣ эти убійственные огни безвреднымъ фейерверкомъ, для красоты слога, тѣмъ болѣе, что наши собственныя изслѣдованія привели насъ къ противоположнымъ результатамъ.

Указанные примѣры даже явно противорѣчатъ основной мысли автора о *большемъ* уронѣ вслѣдствіе *большей дальности* выстрѣловъ (стр. 3). Обратимъ вниманіе на то, что пѣхота вездѣ подпускаетъ кавалерію на *близкое* разстояніе — спрашивается: къ чему же ей служить *дальность* выстрѣловъ?

Итакъ, мы снова приходимъ къ заключенію, что усовершенствованія въ ружьяхъ не страшны кавалеріи: при выстрѣлахъ въ упоръ штуцеръ не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ гладкоствольнымъ ружьемъ.

Непонятно также, къ чему авторъ привелъ (стр. 125) процентное содержаніе урона воюющихъ сторонъ въ разныхъ сраженіяхъ нынѣшняго столѣтія: вѣдь это не такъ нужно, какъ уронъ кавалеріи. Кстати спросимъ: что хотѣлъ сказать авторъ, складывая цифры убыли (въ сраженіи при Аспернѣ) обѣихъ сто-

ронъ и увѣряя, что отъ этого „въ результатѣ выйдетъ, что половина арміи выбыла изъ строя“? Чьей арміи женощина? Да и какъ можно основываться на такихъ вычисленіяхъ, какъ предложенное сложеніе процентныхъ содержаній? Положимъ, на примѣръ, что у насъ два отряда: во 100 и въ 400 человекъ, въ одномъ убыло 0,75%, а въ другомъ 0,25%, сумма ихъ=1, но что же она доказываетъ? Ровно ничего....

Складывать надо самыя цифры убыли, а не процентныя отношенія. Тогда у насъ выйдетъ: въ первомъ отрядѣ выбыло 75 человекъ, во второмъ 100, а всего 175, то есть нѣсколько болѣе одной трети обоихъ отрядовъ.

Въ подробномъ обзорѣ кавалерійскихъ дѣйствій авторъ придерживается хронологическому порядку, что, по нашему мнѣнію, не такъ наглядно, какъ распределеніе примѣровъ сраженій по ихъ смыслу: всѣ сраженія, доказывающія, на примѣръ, безуспѣшность неподготовленныхъ атакъ, мы отнесли бы къ одному отдѣлу, доказывающія успѣшность ихъ къ другому; случаи засадъ къ третьему, и т. д., нисколько не стѣняясь, что рядомъ съ примѣромъ 1794 года будетъ стоять примѣръ 1859 года.

Хотя каждое сраженіе у автора и оканчивается выводомъ, но гдѣ же упомянуть всѣ выводы, разбросанные въ книгѣ безъ всякой послѣдовательности? Къ тому же авторъ, въ своихъ выводахъ, указываетъ болѣею частію не на самое важное и яркое, а на какую-нибудь мелочь, или приписываетъ успѣхъ не тому, отъ чего онъ дѣйствительно зависѣлъ, а чему-нибудь другому: такъ, на примѣръ, успѣхъ союзной кавалеріи въ сраженіи при *Кайзерслаутернѣ* (20-го сентября 1794 г.) авторъ приписываетъ отличному состоянію ея, тогда какъ этотъ успѣхъ произошелъ единственно вслѣдствіе дождя, не позволившаго французской пѣхотѣ употребить въ дѣло свои кремневые ружья.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ очерковъ, на примѣръ, росбахскаго и маренгскаго сраженій, рѣшенныхъ кавалеріей? Вотъ, для образца, описаніе маренгскаго боя:

„Въ сраженіи при Маренго она (австрійская кавалерія) однако была вся собрана на лѣвомъ флангѣ въ числѣ 8,000 человекъ, между тѣмъ какъ французская кавалерія, состоявшая изъ 3,700 лошадей, была раздроблена между пѣхотными дивизіями. Только въ вечеру она была соединена Миретомъ позади пѣхоты. Келлерманъ съ 700 всадниками окружилъ шесть австрійскихъ гренадерскихъ баталіоновъ, которые преслѣдовали отступавшую французскую армію, и успѣлъ взять

ихъ прежде нежели находившаяся вблизи австрійская кавалерія могла подать имъ помощь."

Кто никогда не читалъ подробнаго описанія этого боя, тотъ немного узнаетъ о немъ у подполковника Мг. и, пожалуй, выведетъ заключеніе, что австрійская кавалерія потому и не успѣла, что была въ сборѣ.

То же сраженіе можно рассказать гораздо лучше, хотя не менѣе кратко. Разбитыхъ французовъ преслѣдовала колонна Цаха, остальные же начали перестраиваться въ походныя колонны, на что употреблено три часа, такъ что Цахъ уже далеко ушелъ вслѣдъ за французами. Замѣтивъ это, Келлерманъ сдѣлалъ засаду у С.-Джувьяно, налетѣлъ врасплохъ на Цаха и опрокинулъ его. Французы тотчасъ же перешли въ наступленіе, застали главныя силы австрійцевъ въ походныхъ колоннахъ, т. е. совершенно неготовыми къ бою, и разбили ихъ.

Выводъ можно было бы сдѣлать такой: не надо падать духомъ послѣ неудачи: дѣло легко можно поправить (еще примѣры: Цорндорфъ и Меделино); разбивъ непріятеля, не слѣдуетъ предаваться безпечности; преслѣдованіе послѣ боя есть продолженіе его; надо идти боевымъ порядкомъ, а не походными колоннами (поучительные примѣры: Россбахъ и Гайнау); преслѣдовать должно кавалеріей и конной артиллеріей, прикрывать отступленіе ими же.

Изъ сраженія при *Аустерлицѣ* авторъ выводитъ только, что союзная кавалерія, превосходившая числомъ французскую, дѣйствовала несообразно со своимъ назначеніемъ: она „составляла фронтъ боевой линіи, между тѣмъ какъ пѣхота.... назначена была для обхода“; кромѣ того конная артиллерія не дѣйствовала заодно со своей кавалеріей, а находилась въ резервѣ. Можно подумать, что въ потерѣ сраженія только и виновата кавалерія; а ей тамъ и дѣлать ничего не приходилось.

Упомянемъ вскользь о причинахъ нашего пораженія: силы Наполеона были разбросаны; онъ находился въ 56 верстахъ отъ союзниковъ. Знаменитый своею непрактичностью австрійскій генераль-квартирмейстеръ Вейротеръ составилъ планъ: обойти правый флангъ Наполеона и отрѣзать его отъ Вѣны (что вовсе для него не было опасно, потому что операціонная линія была уже измѣнена). Армія раздѣлена на пять колоннъ; кавалерія помѣщена между ними для поддержанія связи; назначить ее въ обходъ праваго фланга непріятеля, по пересѣченной

мѣстности, было неудобно. Понятно, что если ужъ рѣшено наступать, такъ надобно наступать рѣшительно и быстро, а не то истратилъ успѣвъ сосредоточиться. Наполеону необходимо выиграть время: онъ проситъ перемирія—ему отказываютъ; но зато эти 56 верстъ союзники идутъ ровно четыре дня. 20-го ноября нутрошь сильный туманъ: плохо видно. Союзники думаютъ, что перемаруза ничего не знаютъ, и потому всходятъ на прагенскія высоты *въ походныхъ колоннахъ*; а тамъ уже Сульта. Только въ это время и виновата кавалерія: она задержала движеніе колонны Бутузова (переходя съ лѣваго крыла на правое), что и дало возможность Сульту предупредить насъ на прагенскихъ высотахъ. Кромѣ того единственный нашъ резервъ—гвардія—какимъ-то случаемъ очутился въ боевыхъ линіяхъ, въ самомъ началѣ боя.

Изъ всего этого видно, что въ кавалерійскомъ смыслѣ сраженіе при Аустерлицѣ вовсе не instructifно. Авторъ напрасно и говорить о немъ. Впрочемъ, это не единственный примѣръ: авторъ часто описываетъ такіа сраженія, въ которыхъ кавалерія или мало, или и вовсе не участвовала, напримѣръ сраженіе при *Четати* (1854 года), о которомъ рассказано втрое подробнѣе, чѣмъ о Россбахѣ и Маренгѣ, чтобы придти къ заключенію, что „впрочемъ, битва эта не представляетъ ничего поучительнаго для дѣйствій кавалеріи“. (Стр. 50.)

Для чего же было его описывать? Этотъ же вопросъ можно задать и по поводу альмскаго сраженія. Въ балаклавскомъ есть только два замѣчательные въ кавалерійскомъ смыслѣ эпизоды, къ чему же распространяться о цѣломъ дѣлѣ? Видъ описаніе его занимаетъ 19 страницъ, т. е. почти столько же, сколько описаніе шести лѣтъ войнъ съ 1805 по 1813 годъ.

Въ сраженіи при *Инкерманѣ*, по словамъ автора (стр. 79), „кавалерія обѣихъ сторонъ не принимала никакого участія“.

„Въ сраженіи при *рпкѣ Черной*—какъ говорить самъ авторъ—кавалерія союзниковъ, несмотря на всѣ удобства мѣстности, не принимала въ сраженіи никакого участія.... русской же кавалеріи нечего было атаковать, такъ какъ союзники не преслѣдовали русскихъ за Черную“.

Разсказывая подробности о сраженіяхъ, гдѣ кавалерія не участвовала, авторъ не шути воображаетъ, будто онъ выполняетъ свою задачу: сдѣлать подробный разборъ кавалерійскихъ дѣйствій!

За то о чисто-кавалерійскихъ сраженіяхъ, помрачающихъ славу Россбахъ и Цорндорфа, о сраженіяхъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Курюкъ-Дара, авторъ не удостоилъ сказать ни слова, и именно, можетъ быть, потому, что они, во-первыхъ, затмѣваютъ Россбахъ (*), а во-вторыхъ опрокидываютъ всѣ доводы автора относительно потери кавалеріею прежняго значенія.

Авторъ пропустилъ кампаніи 1814—1815 годовъ, несмотря на то, что изъ этихъ войнъ можно бы почерпнуть кое-что поучительное въ кавалерійскомъ смыслѣ: *Фершампенуазъ*, гдѣ русская кавалерія дѣйствовала совершенно самостоятельно и брала французскія каре безъ посредства пѣхоты; *Монмираль*, гдѣ французская кавалерія забрала почти половину арміи Блюхера; наконецъ *Ватерлоо*, гдѣ англійская кавалерія захватила 46 орудій, замѣтивъ, что они слишкомъ выдались впередъ. Многое можно было сказать и по поводу польскаго возстанія 1830 года: Грохово, Ободное, Остроленка, Дембе-Вельке....

Изъ приведенныхъ авторомъ сраженій многія поучительны вообще въ военномъ отношеніи, а не исключительно въ кавалерійскомъ, и потому они намъ кажутся совершенно лишними въ трактатѣ о кавалеріи. По нашему мнѣнію, если авторъ разъ уже заговорилъ о такомъ сраженіи, онъ долженъ былъ не упустить изъ вида яркихъ сторонъ дѣла и дать, по возможности, полный выводъ. Такими выводами, какими довольствуется авторъ, разбирая, напримѣръ, маренгскій и люценскій бой, нельзя довольствоваться. А таковы всѣ его выводы.

Перелистусь книжку и подскажемъ автору забытые или не совсемъ подмѣченные факты изъ описанныхъ имъ сраженій.

Въ сраженіи при *Аустерлицъ* не мѣшало бы упомянуть объ атакѣ французскихъ конно-гренадеровъ на каре преображенцевъ, *отбившихся штыками*.

Въ сраженіи при *Сомо-Сиерра* слѣдовало упомянуть, что польскіе уланы, пользуясь туманомъ и дымомъ, неожиданно атаковали испанскую пѣхоту *въ колоннахъ по четыре*. Это такой яркій фактъ, что даже странно, какимъ образомъ авторъ упустилъ его изъ вида.

Говоря о сраженіи при *Бородинѣ*, слѣдовало указать на рис-

(*) Россбахскій бой принадлежитъ къ числу засадъ: французская пѣхота была застигнута въ походныхъ колоннахъ и кавалерія не трудно было справиться; а курюкъ-дарское и башъ-кадыкъ-ларское сраженія — правильный и упорный бой отличной кавалеріи съ хорошей пѣхотой.

ковацность кавалерійскихъ атакъ, особенно безъ подкрѣпленій, противъ неразстроеннаго непріятеля (кавалерія Коленкура, опередивъ пѣхоту, ворвалась чрезъ горжу въ люнетъ, но была отбита).

Въ сраженіи *при Гарутинь* ничего не сказано объ атакахъ казаковъ Орлова и о взятіи ими 37 орудій.

Въ сраженіи *при Люценъ* ничего не сказано о непростительномъ бездѣйствіи начальника союзной кавалеріи Винцигереде, которому бы слѣдовало идти въ обходъ праваго крыла (корпуса Нея), а не развертывать своихъ полковъ „какъ будто для парада“, не производить „безъ всякой надобности канонады, которая могла повести только къ напрасной тратѣ зарядовъ“, какъ говоритъ нашъ безпристрастный историкъ (*). Кромѣ того слѣдовало указать на тотъ знаменательный фактъ, что потери побѣдителя были гораздо значительнѣе, чѣмъ у побѣжденных: французы потеряли 15,000 убитыми и ранеными, 800 плѣнныхъ и 5 орудій, а отступившіе союзники—только 12,000 убитыми и ранеными.

Такой же фактъ встрѣчается и въ сраженіи *при Бауценъ*, гдѣ французы потеряли 18,000 убитыми и ранеными, 600 плѣнныхъ и 2 орудія, тогда какъ союзники только 12,000. Авторъ вспомнилъ бы при этомъ, что такіе факты совершенно законны и естественны, потому что въ первый періодъ боя (до отступленія одной стороны) уронъ всегда больше у наступающаго, который не можетъ пользоваться закрытіями мѣстности, какъ обороняющійся. Авторъ вспомнилъ бы, что потери возрастаютъ у побѣжденнаго только во время преслѣдованія кавалеріею, которая не даетъ отдыха, гонитъ, захватываетъ оплошныхъ и отсталыхъ и, такимъ образомъ, довершаетъ пораженіе. У Наполеона было самое ничтожное число кавалеріи; вотъ почему онъ не могъ преслѣдовать союзниковъ и вотъ почему сраженія остались безъ результатовъ.

Въ сраженіи *при Лейпцигъ* слѣдовало указать на дѣйствія кавалеріи Зога, что подсказало бы мысль о необходимости въ которой независимости и самостоятельности кавалерійскихъ начальниковъ. Slѣдовало также посовѣтовать кавалеріи не теряться при неудачѣ до столбняка и, убѣгая отъ непріятеля,

(*) Генераль-лейтенантъ Богдановичъ—„Исторія войны 1813 года за независимость Германіи“.

бѣжать не трусливымъ зайцемъ, который не видитъ куда бѣ-
 жить, а пантерой, которая отстучаетъ, чтобы сдѣлать болѣе
 удачный прыжокъ. (*) Кавалерія должна выбирать куда ей ух-
 одить, а не нестись зря на свои войска и батареи, которымъ
 мѣшаетъ дѣйствовать и возобновить бой. Лейпцигское сраже-
 ніе показало, между прочимъ, что надобно дѣлать, чтобы от-
 ступающая кавалерія пришла въ себя и очистила фронтъ: на-
 добно послать ей навстрѣчу нѣсколько выстрѣловъ, какъ это
 сдѣлалъ Сухозанетъ... (**) Мы вовсе не проповѣдуемъ само-
 убійства; но если средство можетъ показаться жестокимъ, то
 потеря сраженія, во всякомъ случаѣ, тяжелѣе потери нѣсколь-
 кихъ пикъ.... Да и гдѣ ужъ разлагательствовать о челоуѣколю-
 би, когда дѣло идетъ о сраженіи! Ихъ и ставить-то рядомъ
 какъ-то неловко. Въ сраженіи главную роль играютъ расчетъ
 и благоразуміе: если вамъ выгодно пожертвовать тремя, чтобы
 спасти десятерыхъ—вы и жертвуете. Лучшій примѣръ Наполе-
 онъ, который велѣлъ начать отступление послѣ лейпцигскаго
 боя не изъ боевой линіи, а изъ второй, оставивши первую ли-
 нію на жертву. Дѣло въ томъ, что въ боевыхъ линіяхъ стояли
 войска Рейнскаго союза и подяки... Наполеонъ видѣлъ уже,
 что его дѣло проиграно, что ему придется защищаться въ пре-
 дѣлахъ самой Франціи, и потому хотѣлъ сберечь своихъ фран-
 цузовъ, рассчитывая, что Рейнскій союзъ не пойдетъ за нимъ
 во Францію, а подяки... но поляковъ Наполеонъ всегда считалъ
 только средствомъ.

Сраженіе подъ Балаклавою подтверждаетъ высказанное нами
 мнѣніе, что для кавалеріи штыкъ опаснѣе пули: три эскадрона
 африканскихъ конныхъ егерей, желая отвлечь огонь нашей ар-
 тиллеріи отъ разбитой англійской кавалеріи, налетѣли на бата-
 рею нашего лѣваго крыла и опрокинули прикрытіе, встрѣтив-
 шее ихъ огнемъ“. „Тогда два русскихъ баталіона бросаются въ
 штыки и опрокидываютъ французовъ.“ (Стр. 72.) Это же сра-
 женіе указываетъ также на необходимость готовить успѣхъ
 кавалеріи: адъютантъ Раглана, извѣстный капитанъ Ноланъ
 (авторъ „Исторіи и тактики кавалеріи“), на возраженіе Лукана

(*) У французовъ есть подходящая поговорка: Il faut reguler pour mieux sauter.

(**) То же сдѣлалъ Аннибалъ подъ Замой и Багговуть подъ Бурюкъ-Даръ, въ
 послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, не по отступавшей кавалеріи, а по нежелавшей
 отступить отъ пѣхотныхъ каре. (См. „Военный Сборникъ“ 1865 года, № 2:
 „Осталась ли конница тѣмъ, чѣмъ была?“

о невозможности исполнить привезенное имъ приказаніе начать атаку, сказалъ: „Здѣсь есть пушки, а вотъ и непріятель“. Пушки однако не были употреблены въ дѣло, и результатъ атаки извѣстенъ. Этотъ эпизодъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ опасно исполнять приказанія, полученныя издали: почти всегда обстоятельства боя успѣютъ измѣниться прежде, нежели посланный привезетъ приказаніе. Вспомнимъ, кстати, знаменитое „извольте начинать“, которое привело насъ къ грустному исходу боя на Черной...

Въ сраженіи *подъ Инкерманомъ* авторъ говоритъ объ *ошибкахъ* князя Горчакова 3-го, который долженъ былъ сдѣлать демонстрацію къ Балаклавѣ, но „стоялъ въ бездѣйствіи“, открывши сильную канонаду, совершенно недѣйствительную вследствие отдаленности отъ цѣли (стр. 77). „Французская пѣхота, *съ ружьями у нош*, оставаясь спокойной зрительницей этой учащенной пальбы, не сдѣлала никакого передвиженія и не потеряла ни одного *человѣка* ни убитыми, ни ранеными.“ Черезъ нѣсколько строкъ авторъ добавляетъ, что князь Горчаковъ „не совсѣмъ ясно понималъ свою задачу: ему слѣдовало *сдѣлать только видъ*, что онъ желаетъ атаковать непріятеля, *а не атаковать его дѣйствительно*“.

Да вѣдь такъ именно и дѣйствовалъ князь Горчаковъ 3-й: не за что, значить, и упрекать.

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, ему-то и надобно было атаковать, и атаковать такъ рѣшительно, такъ упорно, какъ будто это былъ главный пунктъ атаки. Убѣдить въ этомъ союзниковъ было тѣмъ легче, что атака князя Горчакова грозила отрѣзать ихъ отъ Балаклавы, слѣдовательно имѣла важное стратегическое значеніе. Вся бѣда произошла оттого, что князь зналъ, что его отрядъ назначается только для демонстрацій—онъ и производилъ *только демонстрацію*, понимая это слово такъ же, какъ и авторъ „Значенія кавалеріи“.

Примѣръ того, *какъ дѣлать демонстраціи*, видимъ, въ этомъ же сраженіи, на вылазкѣ генерала Тимофѣева, который успѣлъ заклепать орудія у осаждающихъ и, при отступленіи, подвелъ французовъ *подъ картечь севастопольскихъ укрѣпленій*; но и эта демонстрація не отвѣчаетъ *всѣмъ* требованіямъ, такъ какъ была произведена въ 10 часовъ, т. е. *позже главной атаки*.

Лучше всего, когда демонстрирующій самъ не подозреваетъ, что онъ только демонстрируетъ. Примѣръ: *бауценское сраже-*

не, гдѣ Макдональдъ и Удино нападали на нашъ лѣвый флангъ такъ вѣрннчно и вѣстойчиво, что заняли насъ своими силами (*). Такимъ образомъ, мы были побѣждены и даже ядро кинули Удино, но ослабили свой правый флангъ, который не могъ устоять противъ главной атаки. Цель, значить, дѣль демонстраціи была достигнута. Самъ Удино, лишь къ концу боя, на другой день, узнавъ, что онъ производилъ мало демонстрацію, когда Наполеонъ, въ отвѣтъ на просьбу о подеръжаніи, прислалъ сказать, что бой сейчасъ будетъ. Окомандъ: „ицель маршалъ еще немного подеръжится“. Знаи Удино, что ринице, и въ нѣмъ, можетъ быть, поубавилось бы огня: это въ дорядкѣ вещей. Вотъ почему мы не можемъ безусловно обвинять князя Горчакова 8-го.

Авторъ обвиняетъ еще генерала Сомойнова въ томъ, что онъ „ошибся направлениемъ и пошелъ по той дорогѣ, по которой слѣдовала вторая колонна“. Ошибка эта имѣла слѣдствіемъ то, что мы атаковали англичанъ не 36,000, а только 20,000, по тому что обѣ колонны стѣснились на небольшомъ пространствѣ и не могли развернуться. Объ этомъ уже столько было говорено и писано, что мы, съ своей стороны, скажемъ лишь нѣсколько словъ. Обыкновенно обвиняютъ диспозицію за неясность выраженія: „выйти на лѣвый берегъ Килень-балки“, спрашиваютъ: какой берегъ *овраи* считать лѣвымъ и держаться ли тому же правилу, какъ при означеніи береговъ рѣки?

Но въ диспозиціи сказано было еще, что колонна генерала Сомойнова должна идти сначала *сверху* по Килень-балкѣ, потомъ подняться на лѣвый берегъ ея, атаковать лѣвый флангъ англичанъ, да еще прибавлено было, что резервы держать за своимъ *правымъ* флангомъ. Уже если сказано было: *сверху по балкѣ*, и это было понято какъ слѣдуетъ, то есть такъ, какъ бы сказали: *сверху по рѣкѣ*, то очевидно, какой берегъ будетъ лѣвымъ. Кроме того, атаковать лѣвый флангъ англичанъ можно было только выйдя на лѣвый берегъ балки: дѣйствуя на другомъ берегу, мы имѣли бы передъ собою щануръ и правый флангъ англичанъ. Наконецъ, держать свои резервы за *правымъ* флангомъ, очевидно, немыслимо, если этотъ флангъ будетъ удерживать препятствіе, какъ это и должно случиться, когда колонна выйдетъ на правый берегъ балки. Это даетъ право предпола-

(*). Лѣвый флангъ имѣлъ для насъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ съ той стороны сосредѣлены артиллерія, готовые приступить къ бою.

гать, что, при непоколебимой диспозиции, со стороны генерала Соимонова ошибки не было и что неудачному исходу сраженію при Инкерманѣ были другія причины. Желающимъ познакомиться съ подробностями инкерманскаго боя мы рекомендуемъ сочиненіе генерала-адъютанта Тотлебеа: „Оборона Севастополя“.

Изъ дальнѣйшаго обзора дѣйствій кавалеріи въ крымскую кампанію мы невольно останавливаемся на поразеніи отряда генерала Корфа (Уланскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Еваторины Михайловны полкъ и конная батарея) подъ Евпаторіей. Авторъ сообщилъ только голый фактъ; но самъ фактъ такъ поразителенъ, что и не требуетъ никакихъ поясненій: почти въ виду непріятеля сдѣлать шиваль, да еще въ ямѣ сдѣлать съ лошадей, не выставить аванпостовъ и дать себя атаковать совершенно враспlockъ среди бѣла дня... Если начальники дивизіи не озаботятся относительно мѣръ охраненія, то это не освобождаетъ полевого командира отъ обязанности распорядиться выставленіемъ дѣпи.... По словамъ очевидцевъ, орудія достались непріятелю, благодаря своей неповоротливости: на ихъ станинахъ были увязаны кули съ овсомъ, и только два орудія, обрубившія эту сверхштатную принадлежность, успѣли спастись. Во время перемирія, намъ удалось видѣть въ Евпаторіи нашихъ плѣнныхъ лошадей, отличавшихся прекраснымъ видомъ, тогда какъ почти всѣ лошади французской кавалеріи страдали коростой, вслѣдствіе недостатка хорошей воды, должнаго присмотра, на который французы, какъ извѣстно, не мастера, и, наконецъ, отъ недостатка движенія. Эта послѣдняя причина вызвала впоследствіи рядъ вылазокъ союзной кавалеріи, имѣвшихъ главною цѣлю „военную прогулку“. Доказательствомъ служитъ то, что люди нерѣдко одѣвались въ полную форму, которую тоже находили нужнымъ провѣтрить. (*) Вотъ объясненіе частыхъ тревогъ, выпадавшихъ на долю нашихъ аванпостовъ и иногда почти ничѣмъ неоканчивавшихся. Авторъ совершенно напрасно описываетъ всѣ эти прогулки.

Намъ же эти прогулки напоминаютъ только о полномъ отсутствіи всякаго намека на самостоятельность нашихъ отдѣльныхъ начальниковъ частей, которые никогда не рѣшались

(*) Въ числѣ условій перемирія союзники выговорили себѣ нейтральную полосу для своихъ прогулокъ.

воспользоваться благоприятными обстоятельствами безъ разрѣшенія высшаго начальства.

Экспедиція въ Керчь полна примѣрами успѣшнаго дѣйствія нашихъ малыхъ казачьихъ отрядовъ, употреблявшихъ всегда свою извѣстную хитрость: начнутъ отступать, наведутъ врага на засаду или на резервъ и затѣмъ быстро переходятъ въ наступленіе. Обратимъ вниманіе на цифры урона:

26-го сентября, у англичанъ: убито 18, въ плѣнь взято 25; у казаковъ: убито 1, ранено 31.—6-го декабря, у турокъ: убито 2, взято въ плѣнь 47; у казаковъ: убито 1, ранено 6.

Описаніе кавалерійскихъ стычекъ въ итальянскую кампанію 1859 года составлено весьма поверхностно, испещрено названіями и именами, которыя нисколько не поясняютъ дѣла. Говорясь, по обыкновенію, за мелочами, авторъ ни слова не сказалъ о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ полковника Эдельштейна съ гусарскимъ короля Прусскаго полкомъ въ сраженіи при Маджентѣ и при Сольферино, пропустилъ безъ вниманія замѣчательный случай употребленія гусаровъ спѣшенными (занятіе и барикадированіе деревни Кастель-Гофредо въ сольферинскомъ сраженіи) и, наконецъ, не указалъ, что въ послѣднемъ сраженіи вся австрійская кавалерія, въ числѣ 28 эскадроновъ, оставила поле сраженія. Вотъ что сказано объ этомъ въ исторіи итальянской кампаніи, изданной прусскимъ генеральнымъ штабомъ: „Кавалерійская дивизія Цедвица не принесла никакой пользы: генераль Фопатерни, отступивъ изъ Кастель-Гофредо.... на сколько намъ извѣстно, не возвращался на поле сраженія, а бригада Лаунгена совсѣмъ пропала.... такимъ образомъ, графъ Вимпфенъ лишился всей своей резервной кавалеріи“.

Общая часть сочиненія (7, 8, 9, 10 и 11 главы) составлена такъ же поверхностно, какъ и разсмотрѣнный уже отдѣлъ: такъ же часто встрѣчаются разныя несообразности и противорѣчія, обличающія въ авторѣ недостаточное знакомство съ кавалерійскимъ дѣломъ и непривычку разрабатывать данныя.

Образцомъ неясности слога и сбивчивости опредѣленій можетъ служить разсужденіе объ атакѣ колонною (стр. 192), къ которой даже переводчикъ счелъ нужнымъ сдѣлать такое примѣчаніе: „подъ этимъ авторъ подразумѣваетъ постепенную атаку“. Спѣшимъ увѣрить почтеннаго переводчика, что авторъ вовсе этого не подразумѣваетъ: такъ, на стр. 196, онъ гово-

рять: „при атакѣ колоннами употребляется полковая эскадронная колонна, со взводными дистанціями“, а вѣдь это не постепенная атака. Да и самъ авторъ различаетъ ихъ, повидимому, и на стр. 197 говоритъ: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ атаковать разомъ не всю колонну, а только часть; для этого ведутъ карьеромъ въ атаку отдѣльные эскадроны, а прочіе слѣдуютъ за ними уменьшеннымъ аллюромъ“. Это-то и есть, по нашему, *постепенная атака*.

Переводчикъ, сколько намъ кажется, впалъ въ ошибки неизбѣжныя при переводѣ такого поверхностнаго и сбивчиваго сочиненія. Ошибки переводчика тѣмъ извительнѣе, что самъ авторъ, очевидно, ничего не понялъ изъ того, что читалъ когда-то объ атакахъ колонною.

Напримѣръ, на стр. 192, онъ говоритъ, что противъ пѣхоты „кавалерійскія атаки должны производиться *постепенно одна за другую*“. Это и привело переводчика къ ложному заключенію. Но вѣдь постепенныя атаки, т. е. эскадронъ за эскадрономъ, поочереди и въ развернутомъ строе, т. е. тонкими линіями, прямо противорѣчатъ сказанному на той же страницѣ: „кавалерійская атака въ одну линію, по всѣмъ вѣроятіямъ, всегда почти будетъ безуспѣшна... потому что слишкомъ малое число всадниковъ находится въ глубинѣ“. Это-то соображеніе привело автора къ совѣту употребить постепенную атаку. Очевидно, онъ полагаетъ, что при постепенной атакѣ *большее число всадниковъ будетъ находиться въ глубинѣ*, то есть онъ смѣшиваетъ понятія объ атакахъ колонною и постепенною!

Дѣйствительно, на стр. 193 прямо и указывается: „выстроить одинъ эскадронъ за другимъ, въ нѣкоторомъ другъ отъ другъ разстояніи“—это и выйдетъ постепенная атака.

Промахи автора останутся при немъ — пусть себѣ нѣмцы почитываютъ сочиненіе подполковника своего генеральнаго штаба, пусть трудятся надъ его загадками—но для чего было переводить подобную книгу на русскій языкъ, почему переводчикъ не замѣтилъ такого грубаго непониманія самыхъ азбучныхъ правдъ тактики — этому мы рѣшительно удивляемся.

У насъ еще много остается отмѣченныхъ мѣстъ сочиненія; но перечислять всю безконечную вереницу ошибокъ и непониманія дѣла считаемъ излишнимъ, а потому перейдемъ къ послѣдней нашей задачѣ: опредѣлить — понялъ ли

автора самъ переводчикъ, и если понять, то до какой степени вѣрно?

Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: „мысль автора о кавалеріи совершенно вѣрна, и хотя онъ иногда увлекается, почему въ сочиненіи встрѣчаются противорѣчія (*), но основная идея остается та же, т. е. онъ доказываетъ, что кавалерія не утратила своего значенія“.

Постараемся доказать г. переводчику, что автору избраннаго нѣтъ для перевода сочиненія „вѣрная мысль“ и въ голову не приходила.

На стр. 3 авторъ говоритъ, что пѣхота и артиллерія улучшили свои средства, а кавалерія не только не приняла никакихъ улучшеній, которыя бы поставили ее „на ряду съ прочими родами оружія“, но еще ухудшилась; потому что „какъ люди, такъ и лошади менѣе удовлетворяютъ своему назначенію“. Изъ этихъ словъ вытекаетъ только тотъ омысль, что кавалерія сдѣлалась хуже, что она не на ряду съ другими оружіями, но ниже ихъ, то есть: потеряла прежнее мѣсто, утратила свое значеніе.

На стр. 43 сказано еще опредѣлительнѣе: „продолжая далѣе историческій очеркъ дѣйствій кавалеріи, мы пропустимъ весь періодъ времени съ 1814 года до того времени, когда кавалерія утратила свое огромное значеніе въ рѣшеніяхъ большызъ сраженій...“

На стр. 136 находимъ: „вслѣдствіе этой кампаніи (итальянской)... пришли къ сознанию, что кавалеріи не предстоитъ болѣе разыгрывать прежней роли“.

Но это еще не все: на стр. 144 видно, что у автора шевелилась въ головѣ еще болѣе погибельная для кавалеріи мысль: онъ просто-таки сомнѣвался въ необходимости ея существованія; иначе для чего нужна была такая фраза: „изъ этого можно заключить, что существованіе кавалеріи, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, необходимо“?

На основаніи всего сказаннаго, авторъ (стр. 201) совѣтуетъ: „уменьшить ея численность и изъ оставшихся затѣмъ суммъ приобрести нарѣзныя пушки и увеличить число стрѣлковъ“.

Но какъ, по наивному мнѣнію автора (стр. 149), число

(*) Переводчикъ замѣтилъ одно увлеченіе, на стр. 201 (въ мнѣніи, будто кавалерія теперь лишь вспомогательное оружіе), и одно противорѣчіе, на стр. 169 и 148, относительно кирасировъ.

пушекъ все будетъ возрастать, а съ тѣмъ имѣетъ и число въ лошадей, то, чтобы не обременять армию массою лошадей, надобно (угадайте)... надо „сократить число кавалеріи, увеличивъ на ея счетъ число лошадей артиллеріи“.

Намъ кажется, что ближе бы было къ истинѣ, еслибы переводчикъ поставилъ свое вступленіе такъ: „мысль автора совершенно невѣрна; все сочиненіе наполнено противорѣчіями; авторъ, какъ видно, имѣетъ весьма смутное понятіе о кавалеріи, съ которою, безъ сомнѣнія, знакомъ только изъ курсовъ тактики... Даже историческая часть его сочиненія, при отсутствіи системы и внутренней связи, отличается ненужными подробностями о сраженіяхъ; гдѣ кавалерія не участвовала, и отсутствіемъ даже намека на дѣла, гдѣ она выказалась въ полномъ блескѣ (Ферь-Шампенуазъ, Дембе-Велька, Башъ-Кадиль-Ларъ и Курюкъ-Дара)“.

Мы, съ своей стороны, внимательно разсмотрѣвъ переводъ сочиненія г. Мг.: *Die Kavalerie der Jetztzeit*, пришли къ полному убѣжденію, что подобный переводъ не принесетъ никакой пользы нашимъ кавалеристамъ и что самое сочиненіе въ военной литературѣ занимаетъ одно изъ самыхъ „мзвидныхъ мѣстъ“ и не представляло никакихъ задатковъ для перевода его на русскій языкъ.

М. Т.

Die Politik der Zukunft vom preussischen Standpunkte. Berlin. (Политика будущности, съ прусской точки зрѣнія.)

Пруссія сдѣлала военною державою по преимуществу. Обязанная настоящимъ положеніемъ своимъ среди европейскихъ государствъ силою оружія, которую Фридрихъ II проявилъ такъ блистательно, въ обѣ силезскія войны противъ Австріи и въ семилѣтней войнѣ противъ почти половины Европы, Пруссія съ тѣхъ поръ заботливо стремилась къ поддержанію и развитію военнаго элемента, какъ главной своей опорной точки. Бѣдственныя сраженія при Йенѣ и Ауэрштедтѣ, вслѣдствіе которыхъ она лишилась половины своихъ земель и исчезла бы вовсе съ карты Европы безъ великодушнаго посредства императора Александра I, эти сраженія послужили зародышемъ того кореннаго преобразованія вооруженныхъ силъ, которое совер-

шло окончательно въ 1815 году и возвысило Пруссию на степень одного изъ первыхъ военныхъ государствъ. Настоящая борьба прусскаго правительства съ народными представителями изъ-за такъ называемаго военного вопроса имѣетъ источникомъ убѣжденіе правительства въ необходимости удержать за Пруссіей мѣсто, занимаемое ею, благодаря арміи, между первенствующими европейскими государствами.

Фридрихъ II, положившій основаніе военному значенію Пруссіи и увеличившій ея территорію почти вдвое, положилъ въ то же время начало и той политикѣ, задача которой состоитъ въ „округленіи“ границъ. Политика эта хотя и не могла восторжествовать при новомъ начертаніи карты Европы послѣ паденія Наполеона, однако она не умерла и на нашихъ глазахъ готова осуществиться присоединеніемъ къ Пруссіи завоеванныхъ у Даніи герцогствъ Шлезвигъ и Голштиніи.

За шесть лѣтъ до войны съ Даніей, начатой съ исключительною цѣлю „округленія“ границъ, появилась въ Берлинѣ брошюра, заглавіе которой мы выписали. Написавшій брошюру скрылъ свое имя, но какъ „голосъ народа есть гласъ Божій“, то молва называетъ авторомъ одного изъ государственныхъ людей Пруссіи. Что брошюра написана, въ добавокъ, военнымъ человѣкомъ, въ этомъ нетрудно удостовѣриться почти на каждой страницѣ. Мы, конечно, оставили бы въ покоѣ „политику будущности съ прусской точки зрѣнія“, если бы она не имѣла никакого отношенія къ тѣмъ предметамъ, разработкою которыхъ занимается „Военный Сборникъ“; но мы не можемъ этого сдѣлать уже и потому, что вся „политика будущности съ прусской точки зрѣнія“ направлена, главнымъ образомъ, противъ Россіи, насчетъ которой авторъ предлагаетъ „округлить“ предѣлы державы, созданной оружіемъ Фридриха II. Мы постараемся прослѣдить за наиболѣе выдающимися мнѣніями автора; постараемся изложить ихъ сжато, но ясно, и тогда наши читатели увидятъ, почему мы удѣлили нѣсколько страницъ для ознакомленія ихъ съ предметомъ мало кому извѣстнымъ и во всякомъ случаѣ заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

Авторъ начинаетъ прямо съ заявленія, что для Пруссіи настало время сдѣлать поворотъ съ того пути, по которому она шла до сихъ поръ относительно своей внѣшней политики, и что только какимъ поворотомъ она можетъ вновь возвысить свое значеніе, ослабѣвшее въ послѣднія годы. Такую задачу

онъ считаетъ тѣмъ труднѣе, что значеніе Пруссіи, какъ великой державы, зависитъ не столько отъ ея матеріальныхъ условій, сколько отъ степени той энергіи, той дальновидности и рѣшительности, съ которыми будутъ пользоваться этими условіями. Невыгодное географическое положеніе составныхъ частей прусскаго государства (несоразмѣрная длина относительно ширины), вслѣдствіе чего Пруссія является разъединенною на двѣ части, могло справедливо считаться элементомъ ея слабости въ тѣ времена, когда не существовали нынѣшнія средства сообщенія; напротивъ того, въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ именно въ этой разъединенности и заключается, по мнѣнію автора, существенная доля прусской силы! Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ (послѣ іюльской революціи во Франціи) Пруссія принуждена была собрать почти половину своей арміи на Рейнѣ и тамъ два года держать ее сосредоточенною; въ 1848 году такая мѣра была уже не нужна, благодаря желѣзнымъ дорогамъ; и авторъ старается доказать, что „теперь для Пруссіи важнѣе занимать позицію на лѣвомъ берегу Рейна, чѣмъ владѣть Саксоніей, которой она добивалась на вѣндскомъ конгрессѣ“. При дальнѣйшемъ затѣмъ восхваленіи выгодъ и преимуществъ географическаго положенія Пруссіи, выставляется на видъ, что она примыкаетъ непосредственно къ тремъ великимъ континентальнымъ державамъ, къ Россіи, Франціи и Австріи, и; за исключеніемъ Франціи, ближе всѣхъ къ Англій; чрезъ прусское государство идутъ главныя линіи Европы: линія, соединяющая центры Франціи и Россіи, пересѣкаетъ ее столько же, какъ и та линія, которая связываетъ центры Австріи и Англій; здѣсь же проходитъ и большая часть сообщеній европейскаго сѣвера съ югомъ. А что касается до востока и запада, то посредничество между ихъ отношеніями выпадаетъ болѣе на долю Пруссіи, нежели Австріи. Франція не можетъ вести рѣшительную войну противъ Россіи, не имѣя базиса въ Пруссіи, и если бы когда-нибудь Пруссія и Австрія стали дѣйствовать вмѣстѣ противъ ли Франціи или противъ Россіи, главный акцентъ войны останется, при всѣхъ обстоятельствахъ, на прусской сторонѣ, будетъ ли война наступательная, или оборонительная.

При столь выгодной географической обстановкѣ и имѣя хорошую и многочисленную армію, Пруссіи нечего было бы, по видимому, ни желать, ни опасаться. Къ крайнему присмирѣнію автора, тутъ встрѣчается запятая: онъ не можетъ скрыть, что

Пруссія далеко не въ состояніи играть въ политикѣ рѣшительную роль, далеко не безопасна и въ случаѣ войны, и что времена Фридриха II давно измѣнились, такъ какъ три континентальныя державы, между которыми втиснуто прусское государство, уже не тѣ, что были въ эпоху войнолюбиваго короля... А союзъ съ Австріей и Германіей развѣ не можетъ служить гарантіей для Пруссіи? Не только не можетъ, но, по сознанию автора, подобный союзъ заключаетъ въ себѣ даже противоположные элементы: Австрія всегда будетъ соперницею Пруссіи въ средѣ Германскаго Союза; самый же этотъ Союзъ, по свойству своему, и по причинѣ соперничества между обоими первенствующими въ немъ державами, представляетъ наименьшую гарантію для совокупнаго дѣйствія противъ внѣшняго врага.

Но какъ Пруссія прилегаетъ и къ Балтійскому морю на протяженіи слишкомъ ста географическихъ миль, то является необходимость для нея въ военномъ флотѣ; потому что только при такомъ условіи „Пруссія можетъ имѣть значеніе на сѣверѣ Европы“. Не имѣя флота, Пруссія не владѣетъ и сообщеніями со своими разбросанными областями: наступленіе русскихъ отъ Варшавы по лѣвому берегу Вислы, въ направленіи къ морю, отрѣжетъ въ нѣсколько дней всю, лежащую вправо отъ рѣки, часть прусскаго государства отъ твердой земли.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній авторъ выводитъ, что границы Пруссіи не получили ни съ одной стороны удовлетворительнаго округленія. На востокъ, напримѣръ, важно было бы имѣть сильную фронтальную линію, а тутъ средняя Висла находится въ рукахъ русскихъ, да и самая русская граница отстоитъ лишь на тридцать-восемь миль отъ столицы Пруссіи. Русская армія, направившись на Глогау, отрѣзала бы всю Силезію, а австрійцы, дѣйствуя энергически и въ превосходныхъ силахъ, могли бы пересѣчь прусское государство въ различныхъ направленіяхъ. Только въ отношеніи Франціи авторъ находитъ базисъ Пруссіи сноснымъ, вслѣдствіе обладанія нижнимъ Рейномъ, и притомъ Берлинъ вдвое дальше отъ ближайшаго французскаго пограничнаго пункта, нежели отъ русскаго.

Разсмотрѣвъ выгоды и невыгоды географическаго положенія Пруссіи, условія ея силы и слабости, авторъ переходитъ къ объясненію пассивной и активной прусской политики. Онъ очень сожалѣетъ, что въ 1854 году, когда вспыхнула восточ-

дѣла война, прусское правительство оставалось пассивнымъ и не воспользовалось рѣдкимъ и крайне благоприятнымъ случаемъ промѣнять пассивную политику на активную. Ставъ на сторону западныхъ державъ, Пруссія могла бы, по убѣжденію автора, дать лучшую форму своему глубоко-врѣзавшемуся на востокъ фронту, приобрести Вислу до Кракова, какъ сильный базисъ, и увеличить свою территорію нѣсколькими тысячами квадратныхъ миль на счетъ Россіи. Авторъ говоритъ не обинуясь, что объявленіе войны Россіи въ 1854 году было бы и *закономъ и справедливо*, и въ увлеченіи своемъ считаетъ бездѣлицею не только завоеваніе всего царства Польскаго посредствомъ 300,000 прусскихъ штыковъ, но и распространеніе прусской границы *до Бреста-Литовскаго!*... А затѣмъ, само собою разумѣется, началось бы дѣло цивилизаціи, т. е. оиѣмеченія Польши... Оптимизмъ автора такъ великъ, что подобное расширеніе границъ Пруссіи не встрѣтило бы противодѣйствія со стороны Франціи, и Пруссія, попрежнему, осталась бы на Рейнѣ...

Для активной политики Пруссіи предлагаются вообще три цѣли: 1) округлиться въ Германіи, т. е. восполнить пробѣлы, фактически существующіе, для чего необходимо прежде всего удержать линію Майна; 2) улучшить обращенный къ Россіи фронтъ большимъ территоріальнымъ округленіемъ на востокъ, и 3) утвердиться непосредственно на Балтійскомъ морѣ и не непосредственно на Сѣверномъ морѣ.

Но какъ достигнуть этихъ трехъ цѣлей, когда Пруссія со всѣхъ сторонъ окружена сильными державами и когда она можетъ быть одновременно угрожаема съ фронта, съ фланговъ и съ тыла? Задача мудреная и едва-ли удобообразышная, только не для прусскаго политика: онъ указываетъ на союзъ Пруссіи съ Англіей, ибо, по его убѣжденію, нѣтъ ни одной державы, интересы которой совпадали бы въ большей степени съ прусскими, какъ интересы британскіе. Онъ до того увѣренъ въ этой истинѣ, что если бы прусское государство увеличилось противъ нынѣшняго вдвое по объему, если бы оно поглотило всю сѣверную Германію, округлило себя со стороны царства Польскаго, властвовало на Балтійскомъ морѣ и имѣло сильную военную позицію на Нѣмецкомъ морѣ, то Англія смотрѣла бы на такое приращеніе Пруссіи какъ на свою опору въ будущемъ. И все это потому, что общность прусскихъ и британ-

сихъ интересовъ основана на необходимости противодействовать Франціи и Россіи. Однакожь союза съ Англіею недостаточно: Пруссіи нужно имѣть на своей сторонѣ еще сильную континентальную державу. Авторъ предлагаетъ Австрію, а чтобы его не обвинили въ противорѣчїи, поясняетъ, что, помимо отношеній къ прочимъ германскимъ государствамъ, Австрія и Пруссія суть естественныя союзницы и могутъ только поддерживать другъ друга въ преслѣдованіи внѣшней политики, преимущественно въ отношеніи Россіи. Напуганному воображенію прусскаго политика уже мерещится, какъ громадныя русскія арміи будутъ быстро передвигаться по желѣзнымъ дорогамъ, которыя пересѣкутъ наше отечество по всѣмъ направленіямъ, и какъ эти арміи обрушатся непремѣнно и на Пруссію и на Австрію!... Чтобы отвратить такую бѣду неминуемую и скрѣпить навѣки союзъ двухъ большихъ нѣмецкихъ державъ, прусскій политикъ предлагаетъ уничтожить главную причину ихъ настоящаго соперничества—Германскій Союзъ, и вмѣсто нынѣшняго общаго союза нѣмецкихъ государствъ образовать два: сѣверо-германскій и южно-германскій. Когда такимъ образомъ Пруссія и Австрія будутъ располагать всѣми силами Германіи и имѣть союзницею Англію, тогда нечего страшиться Россіи, и тогда можно подумать о нанесеніи ей роковаго удара *посредствомъ завоеванія царства Польскаго*.... „Если—замѣчаетъ прусскій политикъ—противъ великой сѣверной державы можетъ быть ведена энергическая наступательная война, то единственно при содѣйствіи Пруссіи, представляющей для того наилучшій базисъ.“

Итакъ, для одолѣнія Россіи, въ которой прусскій политикъ видитъ, неизвѣстно чрезъ какія очки, „ожесточеннѣйшую противницу развитія Пруссіи“, нужно уладить на прочныхъ началахъ, прусско-австрійско-британскій союзъ. Если же такой союзъ уладится и послѣдуетъ столкновение съ востокомъ (т. е. съ Россіею), то титанская борьба превзойдетъ своими размѣрами всѣ прежнія войны, ибо вопросъ будетъ заключаться не въ рѣшеніи спора между двумя націями, но въ побѣдѣ одной цѣлой расы надъ другою. Двѣ части свѣта прійдутъ въ столкновение, и послѣдняя побѣда рѣшитъ: кому господствовать надъ міромъ—германцамъ или славянамъ?

Не удивляйтесь, читатель, что воображеніе прусскаго политика разыгралось такъ широко: ненависть нѣмцевъ къ славя-

намъ, существовавшая искони, не ослабѣвала никогда, и теперь любимая тема германскихъ писателей—вопросъ о порабощеніи и оѣмеченіи всего славянскаго міра.... Нѣмцамъ невыносима мысль, что славянскій міръ имѣетъ могущественную представительницу въ русской державѣ, что эта держава — грозный оплотъ такъ называемымъ германскимъ тенденціямъ, и потому въ порядкѣ вещей, если прусскій политикъ страшаетъ своихъ соплеменниковъ фантастическими опасностями, грозящими со стороны Россіи всему германскому міру. Вооружась теоріей статистическихъ вѣроятностей, онъ ужасается при одной мысли, что чрезъ сто лѣтъ Россія будетъ имѣть отъ *двухсотъ до двухсотъ пятидесяти милліоновъ* жителей, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ процентъ населенія будетъ упадать; не менѣе ужасаютъ прусскаго политика и будущіе громадные размѣры развитія внутреннихъ силъ Россіи, какъ непремѣнное послѣдствіе всѣхъ настоящихъ преобразованій. И вотъ, въ глубокомъ раздумьѣ, взирая на будущность Россіи, онъ останавливается на предположеніи: или русское государство распадется отъ удара военного союза четырехъ великихъ державъ прежде нежели достигнетъ перевѣса надъ всѣми европейскими державами, или рушится самая нынѣшняя европейская государственная система. Когда же это случится? Пруссскій политикъ не знаетъ; онъ только желаетъ, чтобы Пруссія нанесла ударъ Россіи какъ можно скорѣе, хотя и сознается съ горечью, что Пруссія еще не доросла до высоты силъ и средствъ, нужныхъ для столь отважнаго шага, и, въ сознаніи такой напасти, еще разъ возвращается къ тройственному союзу Англіи, Пруссіи и Австріи, подкрѣпленному участіемъ Турціи и скандинавскихъ государствъ.

Въ концѣ концовъ прусскій политикъ всяческими ухищренными аргументами старается возвести въ истину недающій ему покоя призракъ: „что существованіе русскаго государства, въ чертѣ нынѣшнихъ предѣловъ, опасно для независимости прежде всего ближайшихъ его сосѣдей, а въ болѣе отдаленной будущности и для всей Европы, и притомъ въ такой мѣрѣ, что съ дальнѣйшимъ существованіемъ русскаго исполина несовмѣстимо продолженіе независимости внѣ-русской Европы чрезъ сто лѣтъ“. И по этому поводу изливаются авторомъ новыя сѣтованія надъ ничтожностію результатовъ восточной войны, именно: зачѣмъ Пруссія не приобрѣла, *по меньшей мѣрѣ*, царства Польскаго, а

быть может и прибалтійскихъ губерній, которыя онъ называетъ „нѣмецкими“, и зачѣмъ другія державы также не отхватили отъ Россіи болѣе или менѣе крупныхъ клочковъ. По убѣжденію автора, истинно-существеннымъ послѣдствіемъ восточной войны должно было бы быть включеніе Россіи въ тѣ предѣлы, которые она имѣла до начала своего политическаго значенія при Петрѣ Великомъ, такъ чтобы Россія отказалась отъ всякихъ притязаній быть европейскою державою и искала бы центра тяготѣнія своего скорѣе по ту, нежели по сю сторону Урала!... Не у прусскаго ли политика позаимствовались польскіе ультрапатріоты мыслію загнать Россію въ азіатскія степи?...

Фантазируя на такой ладъ, прусскій политикъ и не замѣчаетъ противорѣчій самому себѣ. Сію минуту представлялъ онъ Россію могущественною державою, для потрясенія которой нужна коалиція чуть не цѣлой Европы, и вдругъ, чрезъ нѣсколько страницъ, та же Россія является у него слабымъ, разрозненнымъ политическимъ тѣломъ, отъ котораго легко можно оторвать и Финляндію, и прибалтійскія губерніи, и надвислянскую Польшу, и Литву съ Полѣсьемъ, и Крымъ, и Бессарабію, и весь Новороссійскій край, и Кавказъ, и Закавказье!... И останется тогда на все русское царство лишь великая да малая Россія, Астрахань да Казань, т. е. какихъ-нибудь 72,000 кв. миль, съ 38 милліонами жителей... Короче, у прусскаго политика, по смыслу „Современной Пѣсни“ Дениса Давыдова:

.... весь размежованъ свѣтъ
И Россіи уже нѣтъ!...

Одно только смущаетъ глубокомысленнаго размежевателя: Россія, по его словамъ, точно слаба въ настоящую минуту, но чрезъ десять или пятнадцать лѣтъ многое измѣнится въ ней: явится густая сѣть телеграфныхъ проволокъ, уже теперь значительная, возникнетъ такая же сѣть желѣзныхъ дорогъ, съ помощью которыхъ передача приказаній и извѣстій, перевозка военныхъ средствъ и военныхъ силъ облегчатся и ускорятся въ поразительной степени. Тогда коалиція должна будетъ сосредоточить на одномъ пунктѣ, напримѣръ, хотя въ Крыму, не менѣе 200,000 войска, чтобы отбросить русскую армію, а для того, чтобы проникнуть внутрь Россіи и довести наступленіе до стратегическихъ пунктовъ, обусловливающихъ обладаніе большими пространствами, потребуются несравненно многочисленнѣйшія военныя силы.

*

Если привести къ одному знаменателю фантастическіе планы прусскаго политика, то окажется, что ни одно изъ государствъ не находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ Пруссія, чтобы быть вождемъ крестоваго противъ Россіи похода. Здѣсь, въ Пруссіи, какъ выражается авторъ, „лежитъ узелъ всѣхъ нитей, которыми можно опутать и наконецъ свалить великана“.

Впрочемъ, основная мысль автора брошюры не новость: еще въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны наши дальновидные государственные люди (напримѣръ, вице-канцлеръ графъ Воронцовъ и Бестужевъ) указывали на необходимость для Россіи остановить завоевательные планы Фридриха П. Стремленіе на востокъ — традиціонная политика Пруссіи, какъ одной изъ представительницъ германскаго элемента, усиливающагося подавить славянскій элементъ. Авторъ брошюры былъ только отголоскомъ мнѣній современныхъ германскихъ патріотовъ, публицистовъ и государственныхъ людей разныхъ партій. Въ этомъ смыслѣ брошюра его заслуживаетъ внимательнаго изученія; а относительно его фантастическихъ замысловъ на Россію можно припомнить нашу старую пословицу:

„Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Извѣстный своими военно-литературными трудами по военной исторіи вообще и отечественной въ особенности, генераль-лейтенантъ Богдановичъ издалъ нынѣ въ свѣтъ новое свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія войны 1814 года и низложенія Наполеона I“. Ученые труды нашего почтеннаго военнаго исторіографа хорошо извѣстны русской публикѣ. Обширные сочиненія его о войнѣ 1812 и 1813 годовъ, составленныя на основаніи новыхъ источниковъ, до сихъ поръ необнародованныхъ и лежавшихъ подъ спудомъ, сообщили добросовѣстному труду генераль-лейтенанта Богдановича такой интересъ, что сочиненіе о войнѣ 1812 года разошлось почти тотчасъ же вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ, а сочиненіе о войнѣ 1813 года было удостоено академіею наукъ полной демидовской преміи. Что же касается до новаго сочиненія, то съ содержаніемъ его въ непродолжительномъ времени познакомятъ нашихъ читателей.
